

Рустам Мавлиханов

Страсти по Европе

Триптих

Европа рождалась в мучительных поисках ответов на вопросы: «Как спастись? Если Четыре всадника, что воочию несутся по нашим городам и полям,— воздаяние нам, то где найти слова, что отвратят их от дома нашего?»— и ответы стоили не меньшей крови. Религиозные войны (не за веру—за выживание) и Первая Тридцатилетняя показали, какую цену приходится платить за монопольное право на истину. Так начался наш путь к отказу от какой-либо истины вообще—через, казалось бы, разумные идеи Просвещения и Революционные войны, через их отрицание, через веру в прогресс и через его итог—Суицид 1914 года.

Теперь, когда Европа, введя в оторопь своей беспокойностью весь мир, замыкается в себе, сбрасывая, как Рим когда-то и как Китай—неоднократно, балласт из окраин своей ойкумены, пришла пора оглянуться, всмотреться в глаза нашим предкам—насколько это возможно—и попытаться увидеть в них себя. Нет, не для того, чтобы призвать вернуться к истине—автор верует, что она относительна,—а для того, чтобы услышать весёлую жестокость Клио и смириться, по примеру Бозция, с неизбежным.

«В его прямом человеческом времени эти слова были лишними и бессмысленными—но он знал, что в змеином времени они уже прозвучали и послужили началом беседы. А потому он проговаривал их до конца, чтобы не разрушать связь встречнотекущих времён» (*сомалийская сказка*).

Собирая плоды

*Homo fugit velut umbra**(Человек исчезает как тень)¹*

Слова на входе в университетскую часовню Св. Христа Доктрин
в Алькала-де-Энарес

В 2022 году культурная общественность нашего региона начнёт подготовку к столетию памяти нашего выдающегося земляка, занимающего видное

место не только на литературной карте Нижегородской области, но и в плеяде замечательных звёзд Среднего Поволжья,—Василия Евграфовича Чешихина-Ветринского, историка русской и европейской литературы и общественной мысли, переводчика, публициста, краеведа, народовольца и журналиста. И хотя родился Василий Евграфович в Риге Лифляндской губернии, бо́льшая часть его сознательной жизни связана с нашими краями—Удмуртией, в то время входившей в состав Вятской губернии, и Нижним Новгородом. Но главная загадка, которую он оставил своим потомкам, порождена далёкой Испанией...

Детство Василия Евграфовича прошло в интеллигентной семье. Его дед, Иродион Яковлевич, был профессором Санкт-Петербургской духовной академии, лингвистом (его перу принадлежит перевод первой песни «Энеиды» Вергилия) и поэтом; отец—краеведом, публицистом, издателем «Русского вестника», старейшего русскоязычного журнала в Прибалтике; брат—писателем, переводчиком (Гёте и Мюссе), музыкальным критиком (среди прочего он опубликовал фундаментальную «Историю русской оперы») и просветителем (чего стоит опередившая своё время на столетие статья «О приспособлении китайской грамоты к роли всемирного письменного языка», изданная в 1916 году). Неудивительно, что и Василий Евграфович продолжил стезю своей семьи. Наиболее известен он, кроме множества работ о русских литераторах девятнадцатого века, переводом комедии нравов англо-ирландского поэта Ричарда Шеридана «Школа злословия» (это название позаимствовали одни наши современники для своего эпатажного ток-шоу). Намного менее известно о его интересе, переросшем в своего рода одержимость, к испанской поэзии позднего Средневековья.

Василий Евграфович окончил Рижскую Александровскую гимназию (с серебряной медалью) и физико-математический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета (примечательный факт: математический склад заставит его взяться за решение почти неразрешимой загадки; гуманитарная часть образования—найти ключи к ней). Как большинство образованных людей его эпохи, увлёкся революционными идеями

1. *Homo fugit velut umbra* (лат.), или *Passacaglia della vita* («Пассакалья о жизни», итал.),— известное вокальное произведение XVII в., авторство которого приписывают итальянскому композитору Стефано Ланди.

и за участие в народнических кружках был выслан сначала в Ригу, после — в Глазов Вятской губернии (ныне — город в Удмуртии), где у него завязалась активная переписка с одной стороны — с Максимом Горьким, с другой — с тем, кого Василий Евграфович в своих дневниках именуется «отец С.» и кто познакомил его с псевдодионисийской традицией² общехристианской теологии (ещё один факт, чьё влияние скажется позже).

По окончании ссылки, после недолгого (с 1901 по 1903 годы) пребывания в Самаре, он осел в Нижнем Новгороде, где стал секретарём и фактическим редактором «Нижегородской земской газеты». Как землец, вступил в 1905-м в Партию народной свободы, многим известную под названием кадетской; написал большую часть своих трудов (среди которых «Герцен», «Отечественная война 1812 года в родной поэзии», «Чернышевский»), и в том числе монографию о выдающемся историке-медиевисте, заложившем основы научного понимания Средних веков в России, Тимофее Николаевиче Грановском. Работая над последней, Василий Евграфович, как человек энциклопедического кругозора, не мог не ознакомиться глубже со сферой научных интересов Грановского, среди которых были и история расцвета и упадка Испании при Габсбургах — «империи, над которой не заходит солнце», и Итальянские войны — первый конфликт общеевропейского характера, охвативший все страны от Шотландии до Турции. В своих поисках он встретил имя кондотьера, конкистадора и поэта, коими изобилвала та эпоха и которое было забыто в потрясениях бурного, под стать двадцатому, шестнадцатого века. Василий Евграфович отметил, что «первоначально не обратил на него внимания и предал бы его забвению вторично, если бы оно не всплыло в переписке с тем обществом, что сложилось вокруг Горького на Капри.

Здесь, в «литераторском центре богостроительства» (особого этико-философского течения в русском марксизме, развивавшегося Анатолием Васильевичем Луначарским и Владимиром Александровичем Базаровым), бывали Феликс Дзержинский, «цусимец» Новиков-Прибой, жили поэт и журналист Леонид Старк (Афгани; тот самый, кто в октябрьские дни 1917 года займёт телеграф и почтамп) и его жена, впоследствии — библиотекарь Ленина, Шушаник Манучарьянц. К ней и обратилась другой гость виллы «Спинола» — Михаил Коцюбинский, революционер и классик украинской литературы, вновь создавший её из того, что Винниченко называл «невольничьим кладовищем». Широкой публике он известен по поставленным по его произведениям фильмам «Подарок на именины» и «Тени забытых предков» Сергея Параджанова («лучшая картина в мире, снятая до сих пор», как сказал Эмир Кустурица). Что занимательно — и, скорее всего, является

случайным совпадением с судьбами тех, о ком идёт речь в этом эссе, — в финале картины Иван, главный герой, видит призрачные отражения Марички, своей погибшей возлюбленной, в воде и в лесу.

Коцюбинский много путешествовал. Он объездил едва ли не всю Европу — не только по зову души, но и из потребности в лечении: он медленно умирал от чахотки. И если Антон Павлович искал облегчения в ковыльных степях Башкирии, то Михайло Михайлович подался в просторы Иберийской Месеты — обширного, засушливого, малолюдного плоскогорья, покрытого замками (давшими имя стране — Кастилия) и полуразрушенными римскими виллами. В странствиях он познакомился с Мигелем де Унамуно, в ту пору — ректором университета Саламанки.

Последний, будучи баском по национальности, в одну из поездок на родину, в Бильбао, посетил долину Бастан на самом севере Наварры, у подножия Пиренеев, где, в местечке Арискун, родился Педро де Урсуа, «губернатор» Эльдорадо. Его личность привлекла внимание философа и как жертва «испанского Иуды» — «гнева Божьего» Лопе де Агирре (замечательно воссозданного Клаусом Кински в фильме Вернера Херцога), и как один из плеяды великих басков, лежавших в фундаменте славы Испании: Хуана Себастьяна Элькано, завершившего экспедицию Магеллана, Андреса де Урданеты, открывшего самый безопасный путь через Тихий океан к берегам Филиппин, Хуана де Гарая, основателя «Города Пресвятой Троицы и Порта Святой Марии Добрых Ветров» (Буэнос-Айреса), Игнатия Лойолы, основоположника «Общества Иисуса».

«Если баски, этот малый и загадочный народ, помогли кастильцам построить империю, то не нужно ли в их национальных чертах искать то, что поможет спасти Родину?» — отметил Мигель в гостевой книге в маленьком отеле на Берегу Храбрых — Коста-Брава (сын хозяина отеля сберёт автограф, спрятав книгу во времена франкистского террора).

Тут нужно пояснить, что после катастрофы 1898 года Испания впала в глубочайший экономический, политический и — главное — моральный, чуть ли не экзистенциальный кризис, сравнимый разве что с кризисом, поразившим Россию в 1990-х. Как и СССР в холодной войне, Испания потеряла

.....
2. Псевдодионисийская традиция: Псевдо-Дионисий Ареопагит — неизвестный богослов V–VI вв., чьи труды о естестве Бога и Его эманации оказали сильнейшее влияние на христианство (и православие, и католичество), особенно на исихастов на Востоке и таких мистиков Запада, как пантеистичные Иоганн Скотт Эриугена (IX в.) и Николай Кузанский, Пико делла Мирандола и др.

унизительное поражение в скоротечной войне с США — несмотря на отчаянную храбрость пехоты, неделими сражавшейся в окружении на пляжах Кубы и Филиппин. Это была первая война, развязанная прессой (красочное изображение подрыва крейсера «Мэн» в газете Джозефа Пулитцера New York World позже послужило вдохновением для пропагандистских плакатов «Помни Пёрл-Харбор!» и «Помни 11 сентября»), первая война, запечатлённая на киноплёнку (пройдёт всего девяносто три года, и технологии позволят нам наблюдать бомбардировки в прямом эфире — о значении чего замечательно рассказано в пророческом фильме 1997 года «Хвост виляет собакой», — пока война окончательна, с началом Второй холодной, не превратится в самоподдерживающееся ток-шоу), и одна из первых схваток за передел мира в романтическую эпоху империализма, которая скоро закончится неромантической бойней 1914–1945 годов.

Нам в наследство от той войны достались коктейли «дайкири» (по имени местечка под Сантьяго-де-Куба, где янки высадились на остров) и стихотворение Редьярда Киплинга — поэта, искренне любившего и понимавшего Восток, — «Бремя белого человека». Испания же пришлось искать ответы на вопросы «что делать?» и «кто мы, откуда, куда идём?». И находить ответы: в возрождении поэзии, философии (что даёт и нам надежду на бронзовый век русской литературы), национализме, авторитаризме, анархо-синдикализме и социализме (что заставляет нас молить Клио: *пусть наши поиски не окончатся первой в истории ядерной гражданской войной*). Эти искания приводили пилигримов мысли на разные стороны баррикад, но чаще заканчивались смертью на чужбине, расстрелом (националистами или

.....
3. Поколение 98 года (*исп.*).

4. «Над всей Испанией было безоблачное небо» (En toda España el cielo está despejado) — легендарный пароль к началу мятежа в Испании, переданный по радио утром 18 июля 1936 г.

5. «Верховный жрец храма разума» — из речи Мигеля де Унамуну 12 октября 1936 г. в Университете Саламанки: «Генерал Мильян-Астрай — калека. Давайте скажем об этом без обиняков. Он инвалид войны. Как Сервантес. К сожалению, сейчас в Испании слишком много калек. И если Бог не внемлет нашим молитвам, скоро их будет ещё больше. И мне доставляет боль мысль о том, что генерал Мильян-Астрай будет определять психологию масс. Калека, лишённый духовного величия Сервантеса, он испытывает зловещее облегчение, видя вокруг себя уродства и увечья. Здесь храм разума. И я его верховный жрец. Это вы оскорбляете его священные пределы. Вы можете победить, потому что у вас в достатке грубой силы. Но вы никогда не убедите. Потому что для этого надо уметь убеждать. Для этого понадобится то, чего вам не хватает в борьбе — разума и справедливости. Я всё сказал».

республиканцами), примирением или резким конфликтом с новым режимом.

Однако, как и нам, испанцам, которых Пио де Бароха, ещё один выдающийся представитель Generación del 98³, изобразил в виде «пассажиров трамвая, входящих и выходящих из него, не знающих, куда и зачем они едут», гражданская война ещё казалась невероятной; Мигель де Унамуну ещё не мог знать, что всего через пару месяцев после начала мятежа правый генерал Хосе Мильян-Астрай заткнёт его возгласом «Смерть интеллигенции! Да здравствует смерть!» (как окажется, навсегда: философ умрёт под Новый год, во сне, — итог его жизни показан в испано-аргентинском фильме «Mientras dure la guerra» («Пока длится война»)); пока ещё над всей Испанией было безоблачное небо⁴, и Мигель, верховный жрец храма разума⁵, мог посвятить себя изучению эпохи испанской славы и её терций — такого же символа страны, как коррида и Саграда Фамилия.

Терции родились в плавильном котле Реконкисты — восьмисотлетней эпопеей войн за свою веру, окрашенных гордостью за своих пророков и свой народ и уважением к врагу (*странно, но именно на стыке религий рождается взаимоуважение*), воспитанной, к примеру, в «Песне о моём Сиде» — одной из немногих эпосов, мало отступающих от исторической правды. Продолжившись естественным образом в конкисте, терции на полтора столетия стяжали славу непобедимых: невероятно стойкие в сражении, потрясающе упорные, с редким для эпохи терпением, «испанские дьяволы» наводили ужас на Амстердам, Париж и Лондон настолько, что это позволяло успешно снабжать войсками и припасами свои владения в Нидерландах сухопутным путём (море блокировалось английскими и голландскими пиратами) через далеко не дружественные земли в Альпах и Восточной Франции. Каждый солдат знал, что его жизнь находится в руках Господа, но его полк — бессмертен: его нельзя покорить, можно лишь истребить (известен эпизод, описанный в «Капитане Алатристе», когда французский офицер спросил умирающего испанского знаменосца: «Сколько вас было здесь?» — на что тот ответил: «Пересчитайте убитых — узнаете»).

Вот в таком соединении довелось строить свою судьбу на службе католическому королю и Хорхе де Урсуа — вышеупомянутому кондотьеру и поэту.

Хорхе приходился дядей (по другим источникам — кузеном) Педро де Урсуа, вероломно убитому своим заместителем, Педро де Агирре, в амазонской сельве. Значительная часть его жизненного пути связана с Итальянскими войнами; к тому же ещё в юности, отправившись пилигримом узреть новое чудо христианского мира — строящийся собор Святого Петра, он влюбился в Италию — эту жемчужину Европы, это средоточие искусства и порока, и не в последнюю очередь — в образ

оказавшей ему покровительство в путешествии Катарини Сфорца, «львицы Романы и тигрицы из Форли» (послужившей, кстати, реальным прототипом Моны Лизы), образ тем более прекрасный, что он не застал его носительницу в живых. Возмужав, Хорхе вернулся в Италию — сперва в качестве кондотьера (наёмника), в роли которого успел повоевать «за венгерское наследство» с янычарами Сулеймана Великолепного, а после перешёл на службу во вновь учреждённую в Ломбардии терцию, с которой прошёл поля баталий половины Европы — от войны Коньякской лиги до экспедиции в Тунис. Ему довелось как оборонять Ниццу от турок и Барселону от берберских пиратов, так и самому штурмовать города, крепости и корабли.

В перерывах между перемириями и кампаниями Хорхе с любознательностью *arasionado*⁶ слушал лекции: юристов в Болонье, «князя гуманистов» Эразма Роттердамского при дворе своего короля (по совместительству — императора Священной Римской империи) Карла I (V), в чьей армии он охранял хирурга Филиппа Теофраста фон Гогенгейма (Парацельса) — и кто знает, не поделился ли с Хорхе этот великий алхимик секретом панацеи, полученным им в османском Константинополе от некоего Соломона Пфайфера (даже если последний и не дожил, как утверждают свидетели, до конца восемнадцатого века, то Хорхе и на шестом десятке лет отличался завидным здоровьем, позволившим ему совершить путешествие через океан).

Тянувшимся уже пятьдесят пять лет войнам, ставшим в итоге частью борьбы Испании и Германии с франко-турецким альянсом, не виделось конца. Все стороны выйдут из них ослабленными: король и последний настоящий император (то есть коронованный папой в Риме), разочаровавшись в идее объединить Европу, отречётся от всех престолов и уйдёт в монастырь, Франция покажется к религиозным войнам, а Италия останется разорённой и уже никогда не займёт место светоча мировой мысли. Однако все эти годы солдаты забирали из её горящих городов не только парчу и столовое серебро, но и жемчужины гуманизма, неся их за Альпы и высевая семена Северного Возрождения (*собственно, и сформировавшего тот мир, который знаем мы*).

Хорхе мог, как ветеран терции, продолжить службу во Фландрии, но предпочёл вернуться домой, взяв с собой трофей — Франческу Марию дель Васто, происходившую из боковой ветви пресёкшегося рода маркграфов Салуццо (для нас будет любопытно, что эта династия по женской линии берёт начало от правнучки Ярослава Мудрого, а история одного из маркизов легла в основу сюжета о Гризельде⁷).

Юная Франческа покорила не столько силой, сколько молчаливой мудрости Хорхе, его верности и терпению — тем качествам, которые он

унаследовал от своей терции. Он был очарован освежающим вольнодумством её мыслей — чего стоит только фраза из её письма: «О, если бы простые люди знали, как грешат мораль придерживащие!..»

По свидетельствам современников, девушка была очень миловидна. Она запомнилась им настолько, что, когда на мосту Святого Ангела отсекали голову знаменитой Беатриче Ченчи (отомстившей за надругательство над собой и после воспетой Перси Шелли и Юлиушем Словацким), многие, подозревая Хорхе в обладании панацеей и знании пути к источнику Жизни, считали, что казнимая и есть Франческа Мария — так они были схожи.

«Эпиграммы Хорхе к Франческе напоминают мне стихи нашего великого Густаво Адольфо Беккера. Только вслушайтесь:

Когда коснулся Вашей тени,
Я вновь уверовал в спасенье,
Как в час безмолвия священный,
Предавший Богу новый день, —

и сравните с этим:

Сегодня мне улыбаются земля и небеса.
Сегодня в душе моей солнце, сегодня ушла тревога.
Сегодня её я видел —
Она мне взглянула в глаза.
Сегодня я верю в Бога.

И почему-то мне рисуется образ „Девушки с жемчужной серёжкой“, хотя я отдаю себе отчёт в столетии, разделяющем картину и Франческу. Ещё это зашифрованное ритмическое (?) посланье (?) из баскских, испанских, латинских и арабских слов, образующих кресты (!!) акrostихов (?)», — делился мыслями Мигель де Унамуну с молодым Хименесом, издателем журнала «Глобус». Хуан Рамон показал письмо Хуану Валера, писателю и дипломату, который, вспомнив о выдающейся математической школе в России (он служил посланником в Петербурге в начале царствования Александра II), посоветовал Мигелю связаться с русскими.

Как говорится, на ловца и зверь: в ту пору довелось проезжать по Месете Михаилу Коцюбинскому. Так, через его руки, через ту самую Шушаник

.....

6. Страстный (*исп.*).

7. Гризельда — образец супружеской покорности, послушания и преданности; она претерпевает жестокие моральные издевательства, которым её подвергает муж, но в итоге её терпение вознаграждается; фольклорный сюжет использовался многими — от Боккаччо до «Битлз» (песня «Golden Slumbers»); уже Лопе де Вега смягчал жестокость мужа, чтобы хоть как-то её объяснить.

Манучарьянц, через Капри, копия «стихотворения» (будем условно называть его так) с пояснительными материалами, дневниками, письмами, реляциями попала к Василию Евграфовичу Чешину-Ветринскому. Он бегло ознакомился с ними и... забыл, будучи поглощён бурными событиями 1905–1907 годов; вспомнил, лишь когда «стольпинские галстуки» утихомирили стихию. В такие годы, отчаявшись искать справедливости на земле, обращаются к миру горнему. Вот и Василий Евграфович случайно (или нет) наткнулся в бумагах на гравюру из книги св. Иоанна Креста (Хуана де ла Крус) «Восхождение на гору Кармель», изображавшую путь души к высшему созерцанию как узкую тропу между делом, словом, славой, силой и т. д. и т. п., что сразу навеяло ему аналогии и с суфийскими мистиками, и с псевдодионисийской традицией («Превыше Божественного света лишь Божественная тьма», — сказал Ареопagit в золотой век Византии), знакомой ему по переписке с упомянутым нами в начале статьи «отцом С.». Помимо прочего, слова о том, как «три добродетели усовершенствуют три области души и как устраивают мрак и пустоту в этих областях», что «вера является для души „тёмной ночью“», как нельзя более перекликались с нынешним состоянием Василия Евграфовича, побудив его взяться за работу в надежде войти в «о воистину блаженная ночь, в которой соединяется земное с небесным, человеческое с Божественным!» (из поэмы, написанной Хуаном в заточении).

(Тут следует сделать небольшое отступление и помочь читателю вспомнить, откуда он знаком с именем Хуана де ла Крус, заслуженно названного Доктором Церкви. Когда святой был схвачен кармелитами, заточён в монастыре под Толедским алькасаром (и тем заново осыпал его, что иносказательно отобразил на полотне Эль Греко⁸) и подвергнут пыткам (да, в любой церкви всегда идёт борьба, и далеко не всегда за материальное), один из охранников принёс, по просьбе Хуана, лист бумаги, и он нарисовал свой образ Христа—в необычном ракурсе, словно на Него смотрит Дух или Отец. В наше время этот рисунок лёг в основу картины позднего, «ядерного», Дали, которая так и называется: «Христос Хуана де ла Крус». Архив святого был спасён в начале гражданской войны южноафриканским поэтом Роем Кэмпбеллом, автором «Теологии Бонгви»⁹: он дал обет Иоанну перевести его стихи, если тот поможет защитить семью Роя.)

Тем более странным показалось Василию Евграфовичу то, что на оборотной стороне листа с гравюрой обнаружилась калька с какой-то карты с названиями поселений (Агуас Кальентес, Эль Энканте, Шкалаччецимин и др.), причём часть их была помечена как «здесь есть исконные воды», а от других тянулись стрелки к строкам написанного рядом стихотворения то ли алхимического, то ли «геологического» содержания. Ниже некто неизвестный оставил пояснение, что «как святой Хуан подсказал нам путь к спасению души, так эта карта поможет найти путь к источнику вечной молодости, в саду, на востоке», что она в точности, без искажений, за что комментатор ручается своей честью, срисована с карты, прилагавшейся к «Тринадцатому сообщению» Фернандо Альвы Иштильшочитля (автора фундаментальных трудов по истории тольтеков и других мексиканцев), составленной по приказу вице-короля Новой Испании Луиса де Веласко и прокомментированной «благородным доном Хорхе, сыном Хорхе, братом губернатора Эль Дорадо де Урсуа, да простит его Господь».

Загадки нарастали. Намечалась даже путаница в именах. После недолгих изысканий в публичной библиотеке Василий Евграфович понял, что на карту нанесена местность на Юкатане и в Петене (современная Гватемала), а под «исконными водами» подразумеваются, видимо, священные сеноты (природные колодцы в карстовых провалах), считавшиеся вратами в Шибальбу, царство мёртвых. Но если связь молодости, жизни и смерти у краеведа, знакомого с мифологией поволжских финно-угров, удивления не вызывала, то содержание рифмованного комментария заставило его содрогнуться. Дело в том, что стихотворение оказалось одновременно и любовной лирикой, и... инструкцией: как увидеть тропы будущего в плоти настоящего. «Как в наших сказках ведунья смотрит в чашу с водой, так они смотрели в море крови в грудной клетке,— писал Василий Евграфович в Саламанку.— Они соединили ацтекские навыки извлечения сердца, европейские металлы—и получили ритуал-франкенштейн! Самая безобидная строка здесь— „Рдеющей (то есть раскалённой) медью целовать в губы“. Ужас!»

Мигель де Унамуну посоветовал не спешить с выводами и взглянуть на комментарий как на натальную карту: ту же медь на губах прочитать как Венеру в Тельце, семя, залитое оловом,— как Юпитер в Скорпионе и т. п. В ответном письме Ветринский выслал два варианта расшифровки, сохранив в обоих астрологическую составляющую. Первый вариант, «инструкцию», мы привести не можем по этическим соображениям, но со вторым, лирическим, подаренным Василием Евграфовичем своей возлюбленной Марии Дмитриевне, ознакомим читателя:

8. «...отобразил на полотне Эль Греко» — имеется в виду картина «Толедо в грозу» (1596).

9. Меня возьмёт Он в смертный миг
К себе из естества,
Чтоб до конца я Зло постиг
И Ловкость Божества.

Волос твой источает железо,
 Медью рдеет искус твоих губ.
 В терпкость влаги весеннего леса
 Гулкой нотой вливается дуб.
 Сердце рвётся куском красной ртути,
 Предвкушая оплавленный год,
 Звёздной бритвой раскроенной сути
 Подносящий запретный нам плод
 (Будто он отлучался на время,
 Будто знал, закаляя булат,
 Как под оловом скрытое семя
 Вспыхнет ярче золотых царских врат).
 Пусть сурьмы мои мысли чернее,
 Пусть свинцов в бронхах след от ребра,
 Кто из вас возразит мне сумеет—
 Крови, пьющей фонтан серебра?¹⁰

(Для облюбовавших курорты Канкуна читателей, если таковые здесь имеются, будет интересно пояснение Василия Евграфовича: «При наложении полученной натальной карты на карту Юкатана, с разворотом их на 180 градусов относительно друг друга, то есть так, чтобы Весы указывали на бухту Четумаль, искомый источник вечной молодости окажется в точке центра масс фигуры, обрисованной пересечениями медиан треугольников, образованных гармонично взаимодействующими (в астрологическом понимании) планетами обеих октав. Выделенный скобками фрагмент в построении учитывать не следует. Если мои вычисления верны, то „колодец жизни и смерти“ находится в глубине Петена, где-то там, где отмечен Тайясаль. Это же тот самый город, который испанцы сумели захватить лишь через 170 лет после Кортеса?»)

Для тех же, кто не готов отправиться в экспедицию в джунгли Гватемалы и Мексики, продолжим повествование.

Загадки Хорхе де Урсуа увлекли Василия Евграфовича, да и сам он разменял пятый десяток—пора было думать о роднике живой воды. Он даже стал искать по окрестным губерниям озеро, если не похожее на Петен-Ица, то заключающее в себе «мотив сенота». Очевидный вариант—Светлояр—его не удовлетворил, как и Морской Глаз в марийском краю, как и озерко цвета гривы сказочного татарского коня у Сергиевска в Самарской губернии. Впрочем, с последним понятно—оно серное. Наконец, поиски увенчались наградой: Вадским. Кристально чистая ледяная вода (что само по себе редкость в средней полосе), но главное—мощный поток, бьющий из бездны в центре и превращающий гладь в выпуклую линзу, подобную осколку гигантского хрустального шара, из глубин которого будто вглядываются в будущее неведомые племена.

Ветринский приобрёл дачу на берегу, где стал проводить много времени.

«Приезжал Мих. Мих. (Пришвин.—*Авт.*)—писал он в дневнике октябрьским днём 1909 года.—Путешествует по Заволжью. Показывал наброски книги о „граде невидимом“. Спорили о судьбах революции. Кажется, над Россией теперь навсегда „тень люциферова крыла“. Гуляли берегом. Разговор зашёл об ужасном конце Мессины, и тут он обратил моё внимание на необычное отражение и без того кровавого заката в озере: словно предки, сказал он, сулят нам неслыханные перемены, невиданные мятежи...»

Эта случайная фраза укрепила Василия Евграфовича в необходимости продолжать расследование. К тому же пришло новое письмо из Саламанки, в котором Унамуну сообщал, что картографическое чутьё не подвело «моего русского друга», что действительно в указанной точке находится древний город, только не Тайясаль, а Тикаль, не замеченный Кортесом во время похода 1524 года и открытый лишь в 1850-х годах, что Хорхе де Урсуа мог от индейцев слышать о нём и о замечательном символе, воплощённом в архитектуре Тикаля, и что данное открытие объясняет смысл эпиграммы «Когда коснулся Вашей тени...».

Сегодня, когда нам дано читать письма майя, мы можем убедиться в верности догадки филозофа: эпитафия в заупокойном храме Хасав-Чан-К'авиила, правившего Тикалем в восьмом веке, гласит, что он страстно любил жену, Иш-Лачан-Унен-Мо, и построил в честь неё храм напротив своего. И теперь дважды в год, когда день и ночь равны друг другу, восходящее солнце окутывает тенью его храма храм его жены, а храм жены шлёт ответное прикосновение храму мужа на закате. И так—уже 1300 лет—влюблённые, оставив тени своих усыпальниц взамен собственных теней, ушедших из-под Солнца живых, касаются друг друга сквозь небытие.

Возможно, этот мотив навеял Хуану Рамону Хименесу знаменитое «Renaceré yo piedra, // у айн те амарé mujer а ти...» («Вернусь я на землю камнем // и вновь полюблю тебя женщиной... // Вернусь я на землю волною // и вновь полюблю тебя женщиной») — поэт так же страстно любил свою жену, прожил с нею сорок лет, тоже не смог пережить её смерти и ушёл за возлюбленной в майский день 1958 года.

Так неужели Хорхе был первым европейцем, увидевшим город, поглощённый джунглями? Неужели он нашёл путь к Роднику Жизни сквозь гиблые

10. Астрологические соответствия: железо—Марс, медь—Венера, ртуть—Меркурий, золото—Солнце, олово—Юпитер и само Небо, свинец—Сатурн. Сурьма—«мирской» металл, Земля. Марс, Венера, Меркурий—планеты низшей октавы, Юпитер и Сатурн—высшей.

леса, между озёр, где находятся врата в Шибальбу—не только мистический потусторонний мир с Домом летучей мыши или Домом обсидиановых ножей, но и вполне реальное царство смерти, похожей, судя по описанию («владыки боли заставляют людей рвать кровью или сжимают их горло так, что их глотки наполняются кровью»), на переносимую рукокрыльями обитателями пещер геморрагическую лихорадку вроде Эболы?

Проследуем его тропой?

Франческа вдохновляла Хорхе. Иначе и быть не могло с такой разницей в возрасте, когда старость не использует молодость для самоутверждения, а поёт свою лебединую псню. Её советы были не по годам мудры, а поведение переменялось в разумную сторону—сдержанность на людях, смирение на мессе, тщательно подобранная исповедь (в этом сказывался итальянский опыт). Преобразился и он: из циничного боевого офицера, кутившего с братьями по терции (или терпевшего жажду и голод наравне с ними), причащавшегося и убивавшего, он стал—в церкви и при дворе—идальго «с жёсткой верхней губой» (англичане, когда придёт их черёд править миром, позаимствуют эту манеру у своих врагов, придумывая образ джентльмена). Ему хотелось одаривать её: ферроньера¹¹ с крупной жемчужиной, золотой жазеран¹² с «рубинами» из Альмадена¹³; когда Франческа, желая подарить наследника супругу (они обвенчались в Сантьяго-де-Компостелла,

куда девушка давно хотела совершить паломничество), попросила зибеллино¹⁴ из непорочного зверька (то есть рожавшего через рот, по представлениям того времени), Хорхе не поспешил на соболя из глубин Великой Тартарии.

Но больше того хотелось свершений. Того, что можно бросить к её ногам и наконец зажить спокойно и счастливо. Другой отправился бы на одну из бесчисленных войн во славу короля и веры, но и Хорхе, и Франческа всю свою жизнь видели, что чести в войне мало, а грязи и подлости—много. Она бы и не отпустила его в охваченную чумой, французской заразой¹⁵ и ненавистью Европу.

Оставаться в Испании... было душно. Поток золота из Перу размывал здание государства, разорял ремесло и хозяйства крестьян и утекал дальше, к врагам веры (так изощрённо вершилась справедливость: Америка уничтожала завоевателей тем, что исполняла их мечту) и в аугсбургский дом Фуггеров, уже прибравших к рукам ртутные озёра Альмадена. Чем хуже шли дела внутри страны, тем больше инквизиция превращалась из органа исправления заблудших в приспособление для конфискации, которое могло в любой момент припомнить общение с алхимиками и заинтересоваться слухами об обладании Хорхе философским камнем.

Новый Свет! Даже в названии этой части мира звучало что-то, напоминающее о Новом, небесном Иерусалиме. К тому же—золото... ласковое, как осенняя Месета, через которую гонят овец, манящее, как очертания родных берегов в рассветной дымке, совершенное, как перезвон колоколов кафедрала... Уехать, занять огромные, пустые, без печати греха земли, принести Благую весть дикарям, выстроить рай, как пытался отец Бартоломе сорок лет назад в Венесуэле, пока немецкие конкистадоры¹⁶ не подняли против него на мятеж индейцев.

Такие картины рисовались Хорхе де Урсуа, когда он сопровождал Доминго де Сото, духовника императора, отпущенного последним домой, из Германии на хунту¹⁷ в Вальядолид. Отец Доминго рассказывал о своём брате по доминиканскому ордену Бартоломе де лас Касасе, как тот, живя в Индиях, услышал проповедь другого брата, гневно обличающую обывателей в нехристианском отношении к индейцам, как он посвятил себя делам туземцев, как вопрос был вынесен на решение почившего в прошлом году папы Павла III и понтифик раз и навсегда буллой «Выше Господа» постановил, что «индейцы Запада и Юга» имеют неотъемлемое право на свободу, собственность и мирное принятие истинной веры. Но господин из гуманистов де Сепульведа, к несчастью—воспитатель инфанта Филиппа, сеет смуту: он, взывая к авторитетам Аристотеля и Анджело Полициано, придворного гуманиста Медичи, утверждает, что

11. Ферроньера—украшение в виде цепочки или ленты с драгоценным камнем, надеваемое на лоб.

12. Жазеран—золотая цепь с камнями, укладываемая вокруг стоячего воротника.

13. ...«с „рубинами“ из Альмадена»—кристаллическая киноварь, минерал ртути; Альмаден—рудники в Ла-Манче, где ртуть добывалась как минимум со времён Рима.

14. Зибеллино—аксессуар из шкурки соболя (Martes zibellina—лат.).

15. Французская зараза—сифилис, одна из величайших эпидемий, сформировавших современную цивилизацию; главная причина смертей в эпоху Возрождения; была принесена моряками Колумба из Америки и вспыхнула в 1494 г., в самом начале Итальянских войн; французская армия, бежавшая от внезапной эпидемии из Неаполя, вынесла болезнь за Альпы; в 1497 г. достигла Литвы (Быхов), в 1512-м—Японию; лечилась (успешно) ртутью из астрологических соображений.

16. Немецкие конкистадоры—в 1528 г. банковский дом Вельзеров получил, в счёт долгов императора Карла, колонию Klein-Venedig («Маленькая Венеция», Венесуэла); спустя три десятилетия колония была конфискована по причине неэффективного управления, а также потому, что администрация колонии так и не крестила местных индейцев.

17. Хунта—собрание.

грешное поведение индейцев свидетельствует о порочности их природы и неспособности к человеческому мышлению, что города они строят, руководствуясь инстинктами, подобно муравьям, а потому должны быть обращены в рабство любой ценой, ибо это — единственный разумный выход.

Да, добавим мы, никогда конкиста не была единым валом, в одержимости и жажде сметающим цивилизации, — у неё были свои изверги и свои святые. И как часто, как мы сумели убедиться за прошедшие пятьсот лет, идеи гуманизма топтали человечность: что в эпоху Просвещения, что в двадцатом веке — столетии «двух крестов».

В дороге к ним присоединился отрок из Полонии, виконт какого-то княжества, с воспитателем и без охраны. Хорхе увидел в нём себя в молодости, тем более что Вацлав (так его звали) являлся протеже польской королевы Боны Сфорца¹⁸, племянницы донны Катарини, тоже покровительствовавшей его паломничеству в Италию. Отец Доминго обратил внимание на свет неистовой, хранящей их от разбойников и прочих опасностей веры в глазах Вацлава: «Годы сделают из него или мудрого инквизитора, или жестокого ересиарха. Да простит его Господь!»

К возвращению домой у Хорхе созрел план: отправиться в Новый Свет, обосноваться там и вызвать Франческу Марию. Трудности не страшили. Напротив, вдохновляла слава великих аделантадо, первопроходцев, даже путь капитан-генерала Альвара Нуньеса Кабесы де Вака, после кораблекрушения прошедшего — в сопровождении трёх спутников, исцеляя больных и обретая почёт «сына солнца», — две тысячи лиг от Флориды до Сьюдад Мехико.

Он уладил дела, купил дом с имением в Гранаде, в местности со здоровым климатом, составил у нотариуса завещание, которое следовало привести в действие при отсутствии известий или получении условного послания, купил снаряжение — одежду, сбрую, колесцовый пистолет (кстати, единственное изобретение Леонардо, признанное современниками), другие мелочи — и нежно попрощался с женой в Севилье, указав ей в случае, если понадобится помощь и совет в ведении дел, обращаться к отцу Доминго. Как она вспоминала, в ночь перед расставанием на город обрушился ветер, и наутро все улочки, паперть собора и берег Гвадалквивира были усыпаны лимонными бутонами.

В ту ночь она зачала.

«Де Сото — представитель выдающейся школы католических экономистов, сложившейся при университете Саламанки, — выписал Василий Евграфович в дневник. — Они сформулировали теории паритета покупательной способности,

свободного рынка, спроса на деньги как таковые и многие другие. Лишь потом их открытия переняли буржуазные экономисты Англии и Франции. Значит ли это, что в шифровке Хорхе де Урсуа содержится то самое „условное послание“ или иное предписание финансового характера? Или здесь снова три разных прочтения? А если разбить на строфы по три строки? И не „омыть пророчицу (сибиллу) кислотой“, не алхимия, а...»

«Да, этот ключ подошёл, — записал он через день. — Третья строка закрывает строфу и одновременно открывает следующую. Как будто бы любовная элегия:

Твой образ я вижу. Ты — утра опал,
Умывший Севилью лимонным дождём
Мадонны Небес в ожерелье глазниц. *(или зеркал?)*
Мадонны Небес в ожерелье зеркал
Алтарь, и пред ним — ты, рождённая сном *(рождённая во сне?)*
Наяда, чьи губы — ртутный рубин. *(?)*

Мадонна в ожерелье... Станный для католика образ. Я чувствую, что вот-вот пойму его, когда вглядываюсь в зеркало Вадского — *моего* — озера. И порой мне кажется, что с той стороны, заглядывая в другое озеро, лежащее в „стакане“ грубых известняковых скал, стал вглядываться в меня он — Хорхе де Урсуа, пятый аделантадо Эльдорадо».

Отплыв из Сан-Лукара, к маю флотилия достигла Америки. По пути она заходила в лагуну Маракайбо — забрать забытых немецких колонистов из Нового Нюрнберга (тех, о ком лас Касас писал: «Немцы хуже самых диких львов. Из-за своей жадности эти дьяволы в человеческом обличье действуют гораздо кровавее своих предшественников»). Ночью небо на юге озарилось частыми вспышками света, началось светопреставление, продолжавшееся до рассвета. «Как маяк, зовущий к новой жизни, — писал Хорхе в первом письме Франческе с другого берега океана. — Это чудо зовётся молниями Кататумбо, поведал мне капитан дон Густаво, и бьют они постоянно. Воистину, нерукотворный маяк Господень, указывающий, что мне нужно на юг!»¹⁹

Мы не знаем точно, сколько времени он провёл в Нуэва-Испании²⁰ — но, по всей видимости, достаточно, чтобы поучаствовать в подавлении

18. Бона Сфорца — жена польского короля Сигизмунда Старого (1506–1548), королева польская и великая княгиня литовская в 1518–1556 гг.

19. «...молниями Кататумбо... маяк Господень, указывающий, что мне нужно на юг!» — если провести прямую линию от горловины лагуны Маракайбо через молнии Кататумбо и продолжить дальше, то она укажет точно на Серро Отаре (910 м) на северной окраине Чирибикете между реками Гуавьяре и Какета.

20. Нуэва-Испания — Мексика и окрестные страны.

мятежа конкистадоров, познакомиться с науатль (языком ацтеков) и с кодексами (книгами мезоамериканцев) с помощью брата-францисканца Бернардино из Саагуна (он заваривал пиноле из белого маиса, приговаривая, как заклинание, как молитву: «Я делаю пиноле. Я делаю пиноле из чиа. Я разливаю пиноле. Я готовлю пиноле»); и достаточно для того, чтобы совершить поход в Юкатан и составить лоцию к описанной выше карте. Где-то там же ему было видение, определившее дальнейший путь.

В Новом королевстве Гранада (в нынешней Колумбии) пришла радостная весть из Гранады Старой: у дона Хорхе родился наследник — татарский соболь всё же помог. Крестили, как и обговаривали когда-то, Хавьером — в честь Франциска Ксаверия, просветителя Китая, но не в последнюю очередь — в честь самой Франчески. Письмо успокоило и позволило с удесятёрёнными силами заняться подготовкой экспедиции.

Хорхе сдружился с правителем страны Гонсало Хименесом де Кесадой (вероятно, на него намекал Сервантес, указывая, кто стал прототипом бессмертного идальго). Этот муж отличался добрым нравом, а потому пережил большинство покорителей Америки. Изумруды, собранные завоевателем земли чибча-муисков, изумляли и радовали сердце: казалось, в них, как комары в янтаре, увязли искры света Творения, а похожие на мельничные крылья *trapiche*²¹ напоминали одновременно и о Любви, что движет солнце и светила, как если колесу был придан ровный ход²², и о видении Иезекииля²³. И это был знак — из тех, что открываются землепроходцам и никому другому.

Радовали и гости: как-то их посетили Родриго де Кирого с женою — выданной за него по приказу короля Инес де Суарес, любовницей Вальдивии и amazonкой, спасшей Сантьяго-де-Чили от дикарей-мапуче. Удивительно, но брак оказался удачным: прожив тридцать лет, супруги скончались в один месяц. Чили было небогатой страной, поэтому чета осторожно выразила заинтересованность в результатах похода.

Вот их троих (Гонсало, Родриго и Инес) Хорхе де Урсуа и назначил своими душеприказчиками — распорядителями нажитого в Индиях имущества: если он не вернётся или если его спутники не принесут известий от него по истечении трёх сезонов дождей, бумаги и деньги следует выслать его супруге Франческе и отцу Доминго де Сото.

Экспедиция должна была выйти из Санта-Фе-де-Богота, пересечь Пáрамо-Сумапас, спуститься в льяносы (прерии) по Рио-Мета до Ориноко, после чего повернуть на юг, в Лес. Официальной целью было объявлено Омагуа, Эльдорадо. Неофициально — с одобрения Кесады — Урсуа должен был проникнуть в страну плоских гор (тепуи) Чирибикете. Именно туда вело его видение.

Хорхе был энергичен как никогда. Он не сомневался в удачном — так или иначе — исходе предприятия и заражал уверенностью всех, изъявивших желание пойти с ним за золотом и самоцветами. Словно там, на Юкатане, он сбросил груз прожитого и вновь обрёл радость, не замутнённую мудростью.

В начале сухого сезона долину Боготы покинули пятьдесят испанцев и четыре священника в сопровождении трёхсот туземцев и восьмисот лошадей и мулов.

Больше их никто не видел.

Василий Евграфович закончил расшифровку 28 июня 1914 года²⁴ и написал в дневнике: «Срочно уезжать отсюда. Что-то ужасное чудится в озере. Словно вода жизни в одночасье превратится в свою противоположность. И закаты, отражающиеся в нём, всё багровее».

«Дорогой Мигель! Высылаю Вам предварительный итог нашей работы. Как я уже писал ранее, в ребусе известного Вам сеньора каждую строфу следует членить третьей строкой на две строфы. Похоже, это тоже карта — географическая? Или карта некоего тела, первопредка, которого следует принести в жертву, чтобы будущее стало настоящим? В любом случае её ключевые точки образуются пересечениями выделенных вертикальных и горизонтальных строк. Схему прилагаю».

Письмо успело пересечь Европу до начала Великой войны — «неслыханных перемен», так неосторожно напророченных Блоком и увиденных Пришвиным.

«В Великую среду, после мессы, я вышел к берегу озера, на котором стоит город, к развалинам храма злых язычников. Я присел на камень этого храма и смотрел на восходящую луну, отражавшуюся в водах. Внезапно я ощутил себя молодым, полным сил мужем. Я был спокоен, словно только что плотно поел мяса. Вдруг луна стала приближаться, увеличиваясь в размерах. Потом она превратилась в Деву Марию в огненных одеждах, как неопалимая

21. *Trapiche* («жёрнов» — *исп.*) — сросшиеся по шесть и более кристаллы изумруда.

22. «... Любви, что движет солнце и светила, как если колесу был придан ровный ход» — Данте, окончание «Божественной комедии» (неточная цитата).

23. Видение Иезекииля: «и вот, бурный ветер шёл от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его — как бы свет пламени из середины огня... Вид колёс и устройство их — как вид топаза, и подобие у всех четырёх одно; и по виду их, и по устройению их казалось, будто колесо находилось в колесе. А ободья их — высоки и страшны были они; ободья их у всех четырёх вокруг полны были глаз».

24. Дата убийства эрцгерцога Франца Фердинанда.

купина. Она сказала, что у меня сердце ягуара, — и я почувствовал золотую шерсть, покрывающую меня. Я ощутил ловкость, спящую в руках и ногах. И тогда я понял, что я тот Ягуар, о котором рассказывал брат Бернардино и который съел четвертое солнце, и потому я чувствовал сытое блаженство. И тогда, чтобы съесть меня, из огня луны вынырнула синяя Змея. Она поглотила меня, как кит Иону, и понесла сквозь вечность. Я видел много странного. Я видел двух змей, между пастей которых было озеро словно звезда. Я видел женщину, раскинувшуюся до края горизонта. Я шёл по ней и смотрел, как она порождает существ и ужасных, и прекрасных, и чистых, и нечистых. И все те существа были любимы ею, хотя некоторые из оных впивались в плоть её, и люди среди них. И женщина была Змея.

И в то же время я видел обычный мир. Он был сложен из жёстких, острых узоров. Глаза на листьях деревьев смотрели в мир, как глаза Колесницы Иезекииля. И вновь меня поглотила Змея, и понесла, и изрыгнула к трону. На троне сидел человек в царских одеждах и с одной ногой²⁵. Он говорил со мной. Я отвечал ему. Он предлагал всё золото страны. Я читал символ веры. Тогда он достал зеркало из радужного дыма и показал меня в нём. И я увидел себя, глядящего на себя с той стороны смерти, но не ужаснулся. И тогда из зеркала двумя языками полилась вода. И я понял, что муж на троне — это мой брат, близнец и противник. Я сражался с водой и был бы повержен, но тут вспыхнуло пламя, и я распался на четыре стихии-птицы. А пятой птицей было время.

И тогда я понял, что я распят, и распятие моё — весь мир. И что я — их главный бог, именем Кецаль-Змей, и что мною он принял Святое Крещение. И что я должен проникнуть в сад, что на востоке, и вынести семена дерева. Потому что я, Человек, хранитель этого мира».

Франческа Мария дель Васто-и-Урсуа прожила долгую спокойную жизнь. Хавьер, зачатый в бурю сын, выбрал духовное поприще. Эпидемии, бунты, репрессии, бури, землетрясения словно чурались местности, в которой стоял её дом с видом на снежно-белую Сьерра-Неваду, откуда ветер порой доносил аромат алеппских сосен и неясные, похожие на «Аве» песни. После смерти крестьяне стали тайно почитать её как заступницу перед Царицей ангелов.

В 1923 году среди бумаг Василия Евграфовича было найдено стихотворение, посвящённое жене, Марии Дмитриевне:

Твой образ я вижу. Ты — утра опал,
Омывший Севилью лимонным дождём
.....
Мадонны Небес в ожерелье зеркал

.....
Алтарь, и пред ним — ты, рождённая ном
Найда, чьи губы — альмаденский лал²⁶.
Твой образ — Мадонны небесный опал,
Отблеск зари у лимонных морей
.....
Над чёрною водою бездонных зеркал
.....
Утренней дымкой весенних дождей
Я, бриг без руля. Ты — девятый мой вал.
Солью покроет эспады металл
Пасынка Родины в дальнем пути
.....
Ангелов грозных, дымящих зеркал
.....
Снами в бутоны лимона вплети
И — облаков андалузских опал.

P. S. Несколько лет назад в джунглях Колумбии, к югу от Гуавьяре, было открыто гигантское двенадцатикилометровое панно с наскальными рисунками, которое за величие и красоту назвали Сикстинской капеллой древних. В 2019 году археологи обнаружили в узком, в метр шириной, проходе между скал останки человека в испанских доспехах шестнадцатого века. Он лежал на спине, погребённый лишь нанесённым песком и опавшей листвой. Его руки были сложены на груди, словно обхватывая и поддерживая растущее из её центра деревце сейбы. На вид будущему великану Леса не более семи лет.

Сея ветер

(Спасти Речь Посполитую)

<i>Si more cantando,</i>	Так пой, умирая,
<i>si more sonando</i>	на цитре играя,
<i>la Cetra, Sampogna,</i>	на лютне, на флейте,
<i>morire bisogna.</i>	готовься ты к смерти.
<i>Si muore danzando,</i>	Встречай её миром,
<i>bevendo, mangiando;</i>	весельем и пиром;
<i>con quella carogna</i>	ведь всякий на свете
<i>morire bisogna.</i>	готовится к смерти.

Стефано Ланди.

Человек исчезает как тень²⁷

Недавно историки обнаружили в рассекреченных архивах Ватикана (конкретно — ордена св. Игнатия) один любопытный документ:

-
25. «На троне сидел человек в царских одеждах и с одной ногой» — Тескатлипока (мифология поздних майя и ацтеков).
26. Лал — рубин.
27. *Homo fugit velut umbra* (лат.), или *Passacaglia della vita* («Пассакалья о жизни», итал.), — известное вокальное произведение XVII в., авторство которого приписывают итальянскому композитору Стефано Ланди.

«Na chwałę Bożą. Waclaw Przemysław Wituwiłł, z Żożey łaski Krol Polski, Wielkie Xiążę Litewskie, Ruskie, Pruskie, etc. nakazał: Pani Dworu Lucinkę z Województwa Nowogrodzkiego wznieść do szlacheznego stanowi i obdarzyć zamkiem w Čachticach w kraju Trenczyńskiem...»²⁸

К сожалению, далее текст обрывается, и причины этого станут скоро ясны.

Сам же документ любопытен по ряду причин. Во-первых, он показывает амбиции короля: Тренчинский край²⁹ с Чахтицким замком ещё предстояло завоевать, обосновав права на венгерское наследство, — то есть вступить в борьбу не только с цезарем Священной Римской империи, но и с султаном Блистательной Порты.

Во-вторых — и это главное, — как следует из текста документа, король велит произвести придворную даму (Pani Dworu) в благородное «шляхетское» достоинство (do szlacheznego stanowi). Другими словами, некая «Люцинка из Новогрудского воеводства», из Восточных кресов³⁰, до того момента оставалась простолюдинкой! И это неслыханно для тех времён, когда социальные лифты законсервировались и редкий буржуа мог попасть в состав высшего сословия! К тому же из немногих документов его правления следует, что король массово раздавал дворянство представителям третьего сословия.

Кем же был этот проклятый и забытый польской дворянской историографией король?

Одни источники утверждают, что он потомок (или побратим — в этом вопросе ясности нет) рыцаря Ordo Teutonicus³¹ по имени Манфред, происходившего то ли из Эгерсланда на границе

Богемии и Франконии, то ли из фогта³² Тодтнау в Швабии — владения вымершего ещё в Высокое Средневековье дома Церинген. Согласно другим, его предком является выходец из клана шотландских горцев McConaughy из области Atholl (одним из предков которых был Дункан I Добрый, король Шотландии, чья смерть описана Шекспиром в пьесе «Макбет»), приехавший по призыву гроссмейстера ордена накануне Великой войны 1409–1410 годов и принявший участие в Грюнвальдской битве. Так или иначе, этот рыцарь попал в плен к литвинам и по приказу великого князя Витовта женился на дочери одного из Витовтовых татар, воята Keturiasdešimt Totorių (Сорок Татар)³³ в Виленском крае. Вероятно, от неё у короля Вацлава Пшемислава Витувилла было второе родовое имя Mawliwiłł (если только оно не появилось в период увлечения Польши сарматизмом³⁴).

Фамильный герб Трубы (Trąby) говорит о родстве предков короля с Радзивиллами (восхождение обоих кланов началось в одно время: основатель вторых Радзивилл Остикович умер в 1477 году), но если последним — этому мрачному магнатскому роду — удалось уцелеть и пробиться к вершинам власти, то интересующий нас род большей частью полёг в ходе феодальной и гражданской войны между Свидригайло Ольгердовичем и Сигизмундом Кейстутовичем и прочих бурных событий пятнадцатого и шестнадцатого столетий и в итоге перебрался из Великого княжества в Королевство, предоставив управлять имениями немцам и иудеям.

Возможно, отсутствие весомой клановой поддержки предопределило жестокость политики короля-реформатора, опиравшегося на третье сословие, в меньшей степени, чем образование, полученное в Италии. И хотя на его мировоззрение, согласно заочному инквизиционному процессу, тайно проведённому по приказу папы, решающее влияние оказала философия генерального викария Церкви Николая Кузанского, но выплеснувшаяся из родины Ренессанса борьба философских идей, религиозные войны, охватившие половину Европы, привели короля к тем же выводам, что и его старшего современника Мишеля де Монтеня: к скептицизму, в том числе относительно человеческой природы. Останься он в Италии или даже во Франции (Варфоломеевскую ночь он видел воочию), Вацлав мог бы войти в плеяду поздних гуманистов, но рок, сводивший с ума целые народы, распорядился иначе: будучи патриотом приютившей его германо-шотландских и татарских предков родины, он вернулся в Польшу.

Вернулся и попал в самый разгар кризиса: межкоролевье. Многочисленные шляхетские партии, подпитываемые русской, шведской, имперской и — опосредованно, через трансильванскую, — турецкой агентурой, ветировали враждебных

28. «Во славу Бога. Вацлав Пшемислав Витувилл, милостью Божией король Польши, великий князь Литовский, Русский, Прусский и др... приказал: придворную даму Люцинку из Новогрудской области возвести в дворянское достоинство и одарить замком в Чахтицах в Тренчинском крае» (польск.).

29. Тренчинский край — область в Западной Словакии.

30. Восточные кресы (Kresy Wschodnie — польск.) — восточные окраины.

31. Тевтонский орден (лат.).

32. Фогт — наследный лён (с XI в.) имперского чиновника (Reichsvogt); отсюда происходит слово «войт» (староста).

33. Сорок Татар — ныне деревня под Вильнюсом.

34. Сарматизм — идеология, возводившая шляхту к сарматам и тем самым противопоставлявшая её как холопам внутри страны (этнически обосновывая угнетение поляков, литовцев и восточных славян), так и окружающим народам — буржуазному Западу и деспотичному Востоку; впервые описана в варшавской газете в насмешливой форме (bałwany sarmatyzmu); внешнее выражение получила в характерной восточно-европейской одежде; в XIX в. сарматизм превратился в специфический «польский мессианизм».

кандидатов на элекционном сейме³⁵. К столице стягивались войска феодалов, и поле между Варшавой и Волей грозило превратиться в поле битвы. В отсутствие господ по всей стране — от Познани до Смоленска, от Риги до Запорожской Сечи — поднимало голову *bydło*, крестьянство; чтобы привести их к покорности, часть дворян разъезжалась по поместьям и там, вдали от бездействующей власти, объединялась в конфедерации, а за Диким полем крымские и буджакские татары готовились идти в традиционный набег за ясырём³⁶ — и на этот раз они имели все шансы повторить успехи времён Менгли-Гирея³⁷ и опустошить от людей всё, вплоть до Люблина и Вильны.

В этих условиях великий коронный маршалок предложил компромиссную фигуру Вацлава Пшемислава как не имеющего влиятельных связей кандидата. Сенаторы-резиденты и земские послы одобрили выбор, и, подписав *pacta conventa*, Вацлав был избран.

Коронационный сейм провести не удалось, так как к тому времени татарско-молдавско-казачье войско³⁸ уже наводнило Волынь. Галицийское население массово бежало за Карпаты под защиту турецких гарнизонов. В условиях, когда шляхта затягивала сбор послупитого ружения (общего войска), король выступил в самоубийственный поход с одним лишь присягнувшим ему на верность регулярным четвертным войском, дополнив его ополчением — пока только городов, обладавших магдебургским статутом. Ему удалось совершить чудо: пройдя через болота Полесья, он сумел захватить врасплох самого сына хана, возглавлявшего набег, и принудить последнего к миру на два года в обмен на право забрать всё награбленное, кроме человеческого полона. От казаков он откупился, отдав им с правом перепродажи пленников, взятых в имениях волынской и галицийской шляхты, — тем самым подорвав её экономическую базу. Похоже, уже в то время король замыслил масштабные реформы.

Стремительный марш-бросок через болота вызвал растерянность магнатов, а среди полуязыческого православного населения Восточных кресов пошла молва о возвращении Всеслава Чародея³⁹.

Ввиду молниеносности событий неспешно собиравшееся послупитое ружение не успело оказать на них никакого воздействия, но зато дало повод королю обвинить явно уклонявшихся дворян в измене. Был обнаружен привилей⁴⁰, по которому крепостные изменников были переведены в особый коронный фонд (*założenie*), а барщина сокращена до двух дней в неделю. Шляхта, почув смертельную угрозу, начала нескоординированный рокош⁴¹, что повлекло новые конфискации и казни. Для осуществления этой политики король санкционировал создание поместного (*miejski*) войска, которое рекрутировалось из горожан.

При этом все города, создавшие такое ополчение, выводились из подчинения феодалов и наделялись магдебургским правом, то есть широким самоуправлением. Одна эта мера могла бы создать базис для будущего экономического возрождения Польши и заложить основу для формирования национальной буржуазии.

Другим указом король нанёс превентивный удар по проискам московского царя. Было запрещено представителям одной конфессии обслуживать культовые здания другой. Это означало, что арендовавшие православные храмы иудеи более не могли взимать плату за пользование зданием с православных прихожан, а значит, и доходы литовской шляхты в очередной раз подрывались. Отдалённым последствием указа стало то, что вторгшийся с разведывательным набегом отряд князя Голицы был разбит под Оршей крестьянско-городским ополчением, и царь отказался от своих замыслов; ближайшим же последствием явились еврейские погромы, осады замков поместными войсками и великий рокош магнатов.

Витувиллов Потоп начался.

Были ли эти события — освобождение городов, ограничение кабалы крестьян, предоставление убежища немецким ремесленникам (равно католикам, лютеранам, анабаптистам и моравским братьям), бежавшим из городов, занятых войсками враждебной религиозной партии, созыв Великого Земского Сейма трёх сословий (некоего аналога Генеральных Штатов) обоих государств (Польши и Литвы), Потоп⁴² — роковым стечением

35. Элекционный сейм — «выборный» ординарный (т. е. тот, на котором каждый шляхтич имел право veto, в отличие от конфедеративного) сейм, второй этап выборов короля.

36. Ясырь — человеческий полон в период степных набегов и войн (от распада Золотой Орды до завоевания европейских степей Россией).

37. Менгли-Гирей — крымский хан в 1469–1515 гг.; в союзе с Иваном III Московским воевал с Большой Ордой и Литвой.

38. «...татарско-молдавско-казачье войско» — они часто воевали вместе, достаточно вспомнить гетманов времён Руины.

39. Всеслав Чародей — легендарный князь Полоцкий (1044–1101).

40. Привилей (*przywilej* — польск.) — особый указ, жалованная грамота.

41. Рокош (*rokosz* — польск.) — бунт, мятеж.

42. Опустошительные кризисы и гражданские войны в Польско-литовском и Русском государствах в XVI–XVII вв. получили ёмкие, уникальные (не встреченные автором нигде за пределами этого ареала) названия: Поруха, Смута, Руина, Потоп; единственным таким же ёмким аналогом выступает «фитна» — серия из пяти войн внутри Арабского халифата в 656–866 гг.

обстоятельств, вызванных крымским вторжением? Мы считаем, что нет. Набег лишь обусловил стремительность событий, но не их направленность.

Прожить многие годы в Италии — в то время культурно передовой, но клонящейся к упадку стране, — Вацлав наблюдал как ведущую роль городов — при наличии у них прав — в развитии страны (что было достаточно очевидно на примере соседней Германии), так и упадок олигархических республик — Венеции, Генуи и других (что в шестнадцатом веке было ещё не столь очевидно) и тенденцию к установлению тирании. А побывав во Франции, он убедился, куда смещается центр тяжести европейской политики и какие режимы этому способствуют.

Многие публицисты любят повторять, что Речь Посполитая (*Rzeczpospolita*, «*Res Publica*») была чуть ли не первым образцом демократии в Восточной Европе. Но какая то была демократия? На примере первого полугодия правления Вацлава Пшемислава мы увидели, чем она грозила стране и народу. И если другие короли мирились с подобным положением вещей, когда они не могли даже собрать армию перед лицом нашествия соседей, то наш король не стал терпеть то, что любой гонимый (*honor*) горлопан мог выкрикнуть: «*Nie ma zgody, veto!*»⁴³ — и тем самым парализовать жизнь огромной страны. Тем более перед лицом того, что сарацины уже стояли у стен Вены, а вся Европа готовилась к большой религиозной войне. В других обстоятельствах он, возможно, сумел бы провести реформы не так кроваво (что, однако, сомнительно: в соседней стране при минимальном сопротивлении аристократии Иван Грозный был немногим более мягок), но суровые времена требовали суровых мер. В конце концов, их не избежали ни Франция, втянувшаяся в гугенотские войны, ни Англия, истребившая свою аристократию в Войне Алой и Белой розы.

Режим Вацлава имел, безусловно, популистские черты: его массово поддерживали горожане, значительная часть малоимущей загородной, чиншевой, панцирной и тому подобной шляхты, а также католического и православного крестьянства. В разгар борьбы король поднял на щит слова Николая Кузанского: «Бог во всём, и всё в Боге». Кроме пантеистической декларации, призванной примирить католиков и ортодоксов, данный девиз также индальгировал его сторонников: «Нет греха, если Бог во мне».

Пытаясь выработать новые законы для всей страны, король созвал вышеупомянутый Великий Сейм, но ситуация быстро выходила из-под контроля: завладевшая землями магнатов шляхта переметнулась в лагерь врагов, магнаты тратили огромные состояния на подкуп вассалов и наём европейских ландскнехтов, русских стрельцов и турецких янычар, немецкие беженцы разных конфессий устраивали побоища на улицах городов, шведские пираты парализовали торговлю на Балтике, казаки разоряли Поднепровье, а Вышневецкие — Сечь, и прочее, и прочее. Лишь Вацлав метался по стране, подавляя один мятеж за другим; он и его войско, которое прозвали «Дикой охотой воевод ужаса», практически не покидали седла, но, увы, в сёдлах сидели люди из плоти и крови, а не демоны, — в бесконечных сражениях число его соратников таяло, как снег под весенним дождём.

В разгар половодья он был в Гродно. Получивший аудиенцию английский посол записал его последние задокументированные слова: «*Ale nawet najbardziej zażarta bestia odczuwa litość. Nie znam litości. Więc nie jestem bestią*»⁴⁴. Вскоре Шекспир (снова он всплывает в нашем повествовании) вложил их в уста своего героя, Ричарда III.

Вацлав Пшемислав I был убит на исходе весны — как гласит современное белорусское предание, «когда одуванчики укрывают белым пухом землю». С ним закончилась и последняя весна Речи Посполитой: стране предстояло не одно столетие служить сельскохозяйственным придатком бурно растущих абсолютистских стран Европы, которые она кормила хлебом, добываемым нещадным барщинным рабством. А после была растерзана так же, как её правитель.

Король был доставлен в Краков, но в разгар панихиды в Вавельский собор ворвались магнаты, извлекли тело на площадь и провели «коронационный сейм»: надели на голову раскалённый обруч и сожгли на специально изготовленном железном троне.

И лишь в самых глухих деревнях полешуков и русинов до сих пор жива легенда о том, что однажды весной король Вацлав-Всеслав вернётся.

А для нас мораль этой истории заключается в том, что чем позже начато движение в будущее, тем большей крови оно потребует.

РАФАЛ ВИЛЬЧУР,
профессор Краковского
университета, 1930

Appendix I

Из романа Габриеллы (Нарцизы)
Жмиховской «Язычницы»⁴⁵

«Любимый мой! Король мой!

В письме я позволяю себе то, что не смогла бы при встрече. Ты никогда не прочтёшь написанное, но я

43. «Нет согласия» (польск.).

44. «Но даже самый лютый зверь испытывает жалость. Не ведаю я жалости. И значит, я не зверь» (польск.).

45. Габриелла Жмиховская (1819–1876) — польская писательница, одна из зачинательниц феминизма в Польше; в 1849–1851 гг. находилась под следствием.

не могу не сказать тебе единственно важное для меня сейчас. Знай, я ухожу с мыслями о тебе, о том, каким тебя помню и знала. И мне уже не страшно.

Ты мой первый, ты мой единственный. Ты смог зажечь во мне страсть, и ты же не дал мне сгореть в ней заживо. И я твоя. Даже сейчас. Ты не представляешь, в какое чудовище я превратилась, но всё же та, кто сейчас к тебе обращается, она осталась прежней, преданной твоей Люцинкой, которая приходила к тебе ночами по первому зову. Ты помнишь те ночи? Пусть я тысячу раз ошибаюсь, но и ты тогда любил меня, пусть только на миг, пусть у тебя случалось не раз, до меня и после меня. Но для меня это было важнее всего, только тот миг и имел значение. И он был! Даже если нет, я продолжаю верить. И хранить память. Как самое ценное.

О тебе говорили много разного, много ужасного. Верила ли я тому, что слышала? Да. И нет. Все они знали только твои чёрные, пугающие бездной глаза. Но я видела и другие. Зелёные.

Ты отдал мне этот проклятый замок — ты отдал меня другому. О, как я ненавидела тебя в тот момент! Как ненавидела его. Но не смела послушаться. Мне завидовали, смотрели свысока и — боялись. Лучше бы мне было умереть тогда, когда ты меня покинул, когда прощался со мной. И пусть бы этот твой взгляд — тёплый и родной — был бы последним, что запечатлелось в моих глазах.

Но вышло иначе. Вышло, что мне пришлось стать женой другого. Он приходил ко мне, а я видела лишь тебя. Внутри я хохотала над его потугами заполучить меня. Тело он получал... Но не меня. Потом я стала хохотать открыто, его это пугало, а я начала бороться за себя. Каждый раз оборачивалась схваткой, а я сопротивлялась дикой кошкой насмерть. И порой выходила победительницей. Меня посещали его друзья. Это стало развлечением — прийти ко мне и не знать, уйдёшь ли целым и живым. Скоро я научилась делать по-другому: они появлялись, получали безучастное к происходящему тело, а я стояла рядом и смотрела. Это работало, ко мне потеряли интерес.

Однажды тот, кто звался моим мужем, не вернулся. Говорили, погиб. Все зло смотрели на меня, но никто не посмел обвинить. Хозяйкой замка стала я. Отныне я вся принадлежала себе. И после случилось много такого, о чём я не хочу сейчас говорить. Это письмо — не исповедь. Но я была страшна в своём безумии.

А сейчас я в этой клетке. Они придумали, как всё устроить. Мне предстоит суд, то ли за предательство, то ли за ведьмовство. Это уже не имеет значения. Чувствуется, что там, за решёткой, близко — весна. В воздухе я слышу живительные токи, запахи... Новую жизнь. Дождаться бы, когда она развернётся во всю силу. Дожить бы до первого полнолуния. Чтобы воплотить древнее колдовство.

В углу моей темницы возится летучая мышь. Я стану ею. Я улечу отсюда. Единственное заклинание, которое когда-то выучила. Будто знала, что пригодится.

Странное предчувствие говорит мне, что, может быть, когда-нибудь мы найдём друг друга. Ты будешь рыскать тёмными пущами бесстрашным волком, а я — бесшумно лететь рядом. Сейчас так ясно представилось. Но мало ли что мне мерещится.

А помнишь одну ночь? Когда ты пришёл совсем уставший, едва живой, после чего-то страшного, а потом положил голову на мои колени, я перебирала твои волосы, а ты всю ночь говорил, говорил... Это я и буду вспоминать перед тем, как покину клетку.

Ты говорил что-то про лампу, которая никогда не погаснет. Лампа не погаснет, а вот моя лучина догорает. Но знай... услышь меня. Я любила и люблю тебя. Вопреки всему, что творится вокруг. И эта весна...»

На этом письмо обрывается.

Appendix II

*Из неоконченной трагедии
Юлиуша Словацкого
«Витувиллов потоп»*

АКТ V

СЦЕНА 3 (окончание)

ВАЦЛАВ (*разламывает в пальцах жареный каштан*)

Как хороши каштаны в Ангулеме...

В Дижоне тоже, впрочем, неплохи.

ЛЮЦИНА

Мне география каштанов — темень,

Но суть знакома... В них звучат стихи.

ВАЦЛАВ

Имел привычку я, живя в Бергамо,

Ночь начинать с фалернского вина.

ЛЮЦИНА

Мне от себя самой настолько странно:

Шатает так, хоть вовсе не пьяна, —

Как будто я весны впитала соки,

И буковый в цветы укрылся лес...

ВАЦЛАВ

Люцина! Не боишься ты потомков

И злых речей подвядших баронесс!

ЛЮЦИНА

Что мне косые взгляды, пересуды,

Ведь вся перед тобою, мой король!

ВАЦЛАВ

Христа убил не Сотник⁴⁶, но Иуда.

И мы на раны самолюбия их — соль...

.....

46. Сотник — Лонгин Сотник, пронзивший копьем бок Христа.

Но кончим о высоком речи! Оденься!
Я приказал подать нам каплунов,
Богемского кувшин. Потом к обедне.
Вернусь и разделю с тобой альков.
Хотя... ещё успею причаститься,
Покаяться—пора бы уж Сапег
Отправить в ад. Да, ты была в Чахтицах?

ЛЮЦИНА

Любимый, а ты точно человек?

ВАЦЛАВ

Да, человек. Ведь жалость даже к людям
Испытывает самый лютый зверь.
Но я могу подать врага на блюде—
Как человек. И значит, я—не зверь.

ЛЮЦИНА

Чахтицы где? И что это за место?
В Тренчинском крае? Нет, там не была.

ВАЦЛАВ

В Унгарии. Оно малоизвестно.
В лесах, где как слеза течёт смола.

ЛЮЦИНА

В заплаканных лесах? Звучит тревожно.
Но почему о нём ты речь завёл?
Люблю, как говоришь, пусть часто сложно...

ВАЦЛАВ

Купил имение тебе. Пора в костёл (*уходит*).

ЛЮЦИНА (*в сторону*)

Костёл, имша...⁴⁷ Господь молитвы примет?
Но кажется, что нам уж не спастись.
Имение? Край дикий, нелюдимый?
Не жить там без тебя. Люблю. Прости.

Конец сцены

Appendix III

*Войтко С., из материалов
фольклорной экспедиции*

Легенда о Волке и Летучей мыши

В деревнях у пуши древней
Вспоминают о легенде:
Будто ночью предвесенней
Мрачным лесом неизменно
Диких зарослей тропею
Сквозь туман, что лёг стеною,
Волк проносится могучий,
Рядом мыши тень летучей.
Их увидеть—то неясно:
Повезло или опасно?

Далеко не прост тот волк:
Вацлав Пшемислав, король.
Смыт истории потоком,
Но остался вечным волком.
Ну а мышь—простолюдника,
Неизвестная Люцинка.
Миг любви их—часть преданья.
Дальше было расставанье,
Путь жестокий, полный мрака,
Безысходности и страха.
Иль проклятьем, иль спасеньем—
Двое оказались тенью,
Привидением иль зверем,
Тайной древнего поверья.

Зажигая зелёную лампу

История дружбы мужчины и женщины

Посвящается дяде, который заменил мне деда

*И плоть стала Словом, отвечая любовью
Слову, ставшему плотью.*

Александр Мень

«Что нельзя рассечь ятаганом, то можно удавить золотом»,— писал Рашид-паша своей покровительнице Сафие-султан, матери Мехмеда III. Перед ним стояла грандиозная задача: Окончательное Решение Северного Вопроса—проблемы грабительских набегов запорожских и донских казаков на цветущие земли Малой Татарии (Крымского ханства) и Молдавского господарства. Это была программа-минимум. Программой-максимум же являлось восстановление суверенитета Белой Орды (под эгидой ханов Улуг Орды в Дешт-и Кипчака, Крыма) над исконными землями Чингизидов—Казанским царством, Астраханским ханством и Диким полем (польской Украиной).

Вопрос: каким образом? Даже при намного более благоприятных условиях прямое завоевание становилось физически сложным: армия, выступившая из Стамбула весной, достигала театра военных действий—будь то Иран, Йемен или Австрия—лишь поздней осенью. А тут—кризис, равный которому случился в Великолепной Порте только без малого двести лет спустя (мы имеем в виду кырджалийскую смуту).

Зеркала

Османская империя—брат-близнец Русского царства (схожесть, обусловившая взаимную ненависть этих наследников Второго Рима). Они родились в одно время. Московское княжество выросло из жалкого осколка Древнерусского государства в борьбе с ханами Дома Джучи, власть которых в итоге унаследовало, став Белым падишахом для степных народов. Османский бейлик⁴⁸—такой же осколок Великих Сельджукидов, объединявших

47. Имша—месса (*ст.-белорус.*).

48. Бейлик—феодалное владение, управлявшееся беём (баем).

под своей сенью народы от Европы до Мавераннахра (Средней Азии), — стал империей в борьбе с Византией, мамелюками Египта, крестоносцами и прочими.

Даже кризис у них наступил синхронно: Иван Грозный довёл своё царство до так называемой Порухи⁴⁹, когда в сердце страны было брошено от половины до девяти десятых (!) пашни (стоит ли удивляться, что вскоре пришёл подлинный царь — Великий Голод, а следом — Смута); на юге же началась эпоха «женского султаната», когда матери оказывали сильнейшее влияние на сыновей-повелителей.

Она

Одной из прекраснейших звёзд в этой плеяде была Сафие-султан, дочь Леонардо Баффо, губернатора Корфу (самого венецианского из греческих островов), выкупленная у пиратов Михримах-султан, дочерью Хюррем Хасеки-султан, законной жены — не наложницы — Сулеймана Великолепного, и подаренная ею своему любимому племяннику Мураду III. Родив последнему наследника, Сафие стала при сыне валиде-султан, а фактически — регентом Империи, правившей совместно с Газанфер-агой, капы-агой белых евнухов⁵⁰ и главой Эндеруна (дворца в Топкапы, где готовились управленческие кадры из «чужеземных мальчиков», набранных по девширме — налогу кровью — среди балканских христиан: *Порта была империей в том смысле, что пыталась инкорпорировать в государство все нации*). Сафие-султан вела активную переписку с королевой-девой Елизаветой I (той самой королевой Бесс, правление которой стало позже ассоциироваться с «доброй старой Англией»). «Женщина слова... лишь в ней одной нашёл я истину в Константинополе», — докладывал Сенату Венеции Лоренцо Бернардо. Требуется ли иная характеристика?

Для нашего же времени будет интересен такой факт: когда муж её дочери Айше-султан, великий визирь Ибрагим-паша, начал топить городских блудниц в Босфоре, тёща его строго отчитала, указав, что он поставлен для управления столицей, а не для истребления женщин.

К описываемому времени власть валиде-и саадетпахан, «матери счастливого прибежища», пошатнулась. Её связь (возможно, любовная) с еврейкой итальянского происхождения Эсперансой Малхи послужила причиной всеобщего недовольства. Эсперанса, будучи кировой (бизнес-агентом между гаремом и внешним миром) и фавориткой владычицы, активно запускала руку не только в казну Харем-и Хумаюна (собственно имперского гарема), но и в казну государства. Положение усугубил её конфликт с Беатрис Михиль, шпионкой Венецианской республики. В итоге Эсперанса со

старшим сыном была убита восставшими сипахами (аналог европейских кирасиров) прямо перед домом каймакама (губернатора) столицы Халильпаши. Младший сын, спасая жизнь, перешёл из иудаизма в ислам. Влияние еврейской общины в Стамбуле было подорвано, и экономическая власть начала понемногу перетекать к грекам-фанариотам⁵¹, впоследствии выдвинувшим «Мегали Идеа» — план возрождения Византии путём внедрения в администрацию Османской империи и перехвата управления ею.

Империи губят не варвары — их губят амбиции столицы.

В вилайетах также было беспокойно: на Дунае Михаил-ага (Михай Храбрый), потомок Влада Цепеша (Дракулы), сумел на короткий срок объединить все три княжества (скорее благодаря бездарности правителей соседних — Жигмонта Батори, позорно обменявшего свою Трансильванию на герцогство в Силезии, и Иеремии Мовилы в Молдове, платившего дань Польше, Крыму и Турции одновременно (!) в попытке преодолеть последствия правлений Александру Злого и авантюриста Петра Казака); в сердце Турции бушевала джелялийская смута — восстание крестьян, возглавленное курдами-алевитами (средним бекташам⁵² суфийским течением, чьим девизом было: «Важное дело — не религия, а человеческое существование»; в двадцатом веке алевизм сблизился с марксизмом).

К чести правительства Сафие-султан, с этими проблемами центральной власти удалось справиться. Дели Хасан, предводитель джелялиев,

.....
49. Опустошительные кризисы и гражданские войны в Польско-литовском и Русском государствах в XVI–XVII вв. получили ёмкие, уникальные (не встреченные автором нигде за пределами этого ареала) названия: Поруха, Смута, Руина, Потоп; единственным таким же ёмким аналогом выступает «фитна» — серия из пяти войн внутри Арабского халифата в 656–866 гг.

50. Белые евнухи (ак-хадымы) — евнухи, которых набирали из европейских народов; кастрировались частично, т. к., в отличие от чёрных (из африканцев) евнухов, считались неспособными перенести операцию по полному удалению половых органов.

51. Фанариоты — греки, селившиеся в районе Фанар близ резиденции Константинопольского патриарха, главы Рум-миллета (общины, объединявшей всех православных империи); занимали высокие посты в османской бюрократии; после Греческой войны за независимость уступили влияние болгарам и армянам.

52. Бекташи — военно-суфийский орден, основанный в период монгольского завоевания Ирана и Ирака; главное отличие ордена — принятие концепции вахдат аль-вуджуд (Всеединства бытия, воплощающегося в Камиле аль-Инсане, Совершенном Человеке).

получил пост бейлербека⁵³ Боснии и увёл туда десять тысяч сабель. Михай Витязул был свергнут поляками и при попытке вернуться на трон убит итало-германским генералом Джорджио Баста.

При этом Порта унаследовала от Византии идею экуменизма (но под эгидой полумесяца, а не креста) и вела наступление во всех направлениях — пехота, сипахи, огонь артиллерии. Особенно затяжными выдались войны с Ираном, возрождаемым Аббасом Великим, и Священной Римской империей Габсбургов — именно они на протяжении столетий были непримиримыми врагами османов до того, как эта роль перешла к России.

Как для любой империи, расширение было залогом её выживания.

Эта борьба привела Турцию к естественному союзу с Францией и, как ни странно, но логично, к взаимопониманию интересов с папой римским.

В перипетиях этой политики, где меч был основным языком дипломатии, а религиозная непримиримость не мешала взаимовыгодному сотрудничеству (не ради золота, а ради выживания собственной веры), и сформировались государственные таланты нашего героя.

Его род

Рашид-паша происходил из рода мусульман аль-Андалуса, рассеянного по свету в «Золотой век репрессий». После издания испанским правительством очередного Прагматического эдикта, грубо нарушившего условия капитуляции Гранады (разрешения соблюдать ислам при лояльности власти), а на этот раз запретившего даже песни и танцы, его дед принял участие в восстании в горах Эспадан (в Кастильоне, регион Валенсия), подавленном с помощью немецких наёмников. И хотя король и император Карл, озабоченный проблемами с лютеранами в Германии и папой в Италии, разрешил

мусульманам сохранить обычаи (но с переходом в христианство), дополнив это иммунитетом от инквизиции на срок лет (*инквизиция занималась только делами единоверцев — на мусульман и иудеев её юрисдикция не распространялась*), часть рода, понимая тенденции, решила эмигрировать.

Дядя Рашида поступил на службу в армию, дослужился до капитана терции при Хорхе де Урсуа и отправился за золотом в Новый Свет. Двоюродные братья остались (суровость испанских законов компенсировалась коррупцией аппарата) и впоследствии вошли в контакт с французскими гугенотами — с ними крипто-мусульман объединила необходимость борьбы с тиранией Габсбургов. А Реза-ад-Дин бен Джаффар, отец нашего героя, предпочёл сохранить верность Пророку Владыке Вселенной и, с несколькими другими семьями, перебрался в Африку.

Позднее общность происхождения свела Рашида, в то время эфенди (лейтенанта), с Эстер Хандали — еврейкой родом из Хереса-да-ла-Фронтеры (морских ворот Севильи), фавориткой и кирой Нурбану-султан (свекрови Сафие).

Беженцы были приняты властями Алжира, им выделили земли на побережье и у руин старого нумидийского Сетифа, но мирная жизнь не наладилась — помешали регулярные набеги христианских пиратов. Поэтому бен Джаффар поступил во флот величайшего турецкого корсара Хайреддина Барбароссы, дослужился до капитана галеры, при Превезе участвовал в разгроме невиданного доселе в Европе флота Священной лиги (Венеция, Генуя, Испания, Папство и пираты ордена св. Иоанна) в полторы сотни боевых кораблей под началом знаменитого генуэзца Андреа Дориа, три года спустя оборонял Аль-Джазаир от армии вторжения, возглавленной самим императором Карлом и Железным герцогом Альбой.

После того как буря — какой-то рок Габсбургов — уничтожила половину флота, по сравнению с которым хвалёная Непобедимая армада⁵⁴ — небольшая флотилия, Карл отказался от экспедиций против мусульман, и Реза, остававшийся в душе мирным крестьянином, получил возможность вернуться к сельскому труду. Правда, перед этим ему пришлось принять участие в осаде Ниццы (совместно с французским флотом герцога Англинского) и перезавоевать на оперативной базе, любезно предоставленной Франциском I⁵⁵ турецкому флоту в Тулоне — на тайной карте Европы нарождался «святотатственный альянс Лилии и Полумесяца», продержавшийся до египетского похода Наполеона.

Во время этой войны бен Джаффар сдружился с другим капитаном, сирийским туркоманом, происходившим из обедневшей боковой ветви дома Ак-Койюнлу (сильной династии, правившей Ираном в пятнадцатом столетии и на рубеже

53. Бейлербек (бейлербей) («бей беев» — *тюрк.*) — наместник области в Сельджукской державе и её наследниках — Османской империи и империях на территории Ирана при тюркских династиях 1502–1925 гг.

54. «... буря — какой-то рок Габсбургов — уничтожила половину флота, по сравнению с которым хвалёная Непобедимая армада...» — в Алжирскую экспедицию 1541 года отправилось 500 кораблей, в Непобедимой армаде было около 140 судов; оба флота уничтожены скорее бурями, чем действиями противников.

55. Франциск I — король Франции в 1515–1547 гг.; всю жизнь воевал за Италию; заключил стратегический союз с Турцией (1528–1798/1856); французы содействовали набегам берберских пиратов и старались совместить войны с Австрией с турецкими походами на Вену; на его правление приходится становление и расцвет французского Возрождения.

веков разгромленной жестокими кызылбашами⁵⁶ Исмаила Сефеви — ныне признанного классика азербайджанской литературы), и вскоре породнился с ним. От этой жены у бен Джаффара родился сын, наречённый, по настоянию хатун⁵⁷, Рашидом.

Последней войной, в которой поневоле пришлось принять участие бен Джаффару, была кампания картографа Пири-реиса (Пири Рейса, автора знаменитой карты, с высочайшей точностью показавшей очертания восточного берега Америки и Земли Королевы Мод в Антарктиде) по изгнанию португальцев с Бахрейна.

Он

Отец, питавший, благодаря жизненному опыту, отвращение к войне, прочил сыну административную карьеру, для чего, обучив на родине хадисам, пиитике и праву, отослал его учиться в аль-Карауин в Фесе — старейший постоянно действующий университет в мире. Там юный Рашид зачитывался книгами великих путешественников — «О чудесах странствий» Ибн Баттуты, объехавшего всю ойкумену от Танжера до Китая и от Булгара до Томбуку и Момбасы, Льва Африканского (Хасан аль-Ваззана), описавшего Борну, Нубию и берега Чада, — и познакомился с сочинениями знаменитого философа и социального мыслителя Ибн Хальдуна.

Ибн Хальдун за столетия до Адама Смита, Карла Маркса и Кейнса открыл огромное количество фундаментальных понятий экономики — вплоть до трудовой теории стоимости, — а идеи, изложенные в «Мукаддима», ныне воспринимаются как одна из основ нарождающейся клиодинамики. Воплощение этих теорий (таких как снижение налогов, расходов на бюрократию и армию, материальное стимулирование экономических агентов, организация общественных служб для создания рабочих мест и многих других), считал Рашид, могло бы сделать Блистательную Порту воистину драгоценным алмазом в поучительной сокровищнице человеческой истории.

Но для административной карьеры, тем более с такими возмутительными для госаппарата идеями, нужно было быть как минимум питомцем Эндеруна (выпускники которого, подобно современным птенцам оксфордов и принстонов, поддерживали друг друга в карьере — чаще в ущерб государству). Поэтому Рашид пошёл самым доступным и хвалимым бюрократической «богемой» путём — военным.

Узлы

Он участвовал в большинстве предприятий падишаха: ходил в набеги на португальский Занзибар, пережил катастрофу при Лепанто, где командовал абордажной командой на одной из галер

бейлербея Алжира Улудж Аджи — спасителя чести османского флота, а в прошлом — несостоявшегося итальянского священника Джованни Галени, похищенного пиратами и принявшего ислам. Лепанто оказался воистину гордиевым узлом судеб: здесь сражались за новую родину — француз Джаффар и венецианец Хасан, за старую — дон Хуан Австрийский, Барбариго и Джованни Андреа Дория, мстивший за позор дяди у Превезы. В этом бою будущий Кылыч («меч») Али-паша грамотно маневрировал и даже захватил флагман Мальтийского ордена, а при отступлении к Константинополю, собирая в море разрозненные корабли, увеличил свою флотилию вдвое — до восьмидесяти семи судов.

Следующий год прошёл в строительстве нового, вдвое большего флота. Рашид-эфенди много ездил по Болгарии и Анатолии в поисках корабельного леса. Конечно, в организации поставок приняли участие сефардская (еврейская) и греческая общины. Все стремительно богатели, что помогло Рашиду войти в круг общения кыры Эстер Хандали (уже упоминавшейся фаворитки Нурбану-султан), а затем — завязать знакомство (разумеется, эпистолярное) с Сафие-султан.

Новый флот с армии Синан-паши (урождённого генуэзского аристократа Сципиона Чикале, тоже похищенного пиратами) отправился на освобождение Туниса от испанцев и покорных им Хафсидов. В этой кампании Рашид познакомился с Абу Марваном Абд аль-Маликом (который также участвовал в битве при Лепанто, попал в плен — его участь решал сам Филипп II⁵⁸, а после бежал из испанского Орана — города, воспетого Камю в «Чуме»). При штурме Голетты Рашид бен Реза был ранен и некоторое время лечился в Алжире, попутно скупая имения беднеющих сипахов и обустроивая их — в частности, назначая управляющими французских гугенотов, бежавших из Европы после Варфоломеевской ночи.

56. Кызылбашы («красноглавые» — *тюрк.*, по цвету тюрбана) — тюркские (туркоманские) племена, опираясь на которые, Исмаил Сефеви возродил иранскую государственность, утраченную в ходе арабского нашествия за 860 лет до этого.

57. Хатун («хатан» — *монг.*, «хатын» — *татар.*) — женский аналог титула «хан», соответствует европейскому «императрица»; в Османской империи началась постепенная профанация слова, в настоящее время означает «жена», «женщина».

58. Филипп II — король Испании в 1556–1598 гг.; его взгляды на свою роль (ответственность за страну, династию и народ перед Богом) и итоги правления чем-то напоминают Николая II; в то же время у соотечественников не было никаких сомнений в том, что его исключительная работоспособность и требовательность направлены на благо Испании.

Соседом бен Резы был грек-мусульманин, в плену у которого находился *Мигель де Сервантес*. Участие в судьбе земляка своего отца (Рашид-эфенди помогал Родриго, отцу будущего писателя, в переговорах о снижении суммы выкупа, а после неудавшегося побега Мигеля, когда его хотели казнить, ходатайствовал о милосердии как моряк за моряка — тот самый случай, когда золото спасло искусство) вызвало неудовольствие окружающих, и Рашид покинул Алжир, уехав к Абд аль-Малику, новому шерифу Марокко, вассалу Порты.

На стороне последнего он принял участие в «Битве трёх королей» при Аль-Ксар аль-Кабире («большой крепости»), на которой закончилась история Великой Португалии, совсем недавно воспетой Луишем де Камозэнсом⁶⁰ в «Лузиадах» — самой национальной поэме планеты. В сражении погиб не только цвет португальской аристократии, но и бо́льшая часть опытных немецких и фламандских наёмников во главе с Томасом Стакли, незаконнорождённым сыном самого Генриха VIII Английского, а также и все «три короля» — Абу Марван, его соперник Абдалла Мохаммед и король Португалии Себастьян Желанный, который вполне мог стать прообразом *Дон Кихота*: Себастьян жил в вымышленном мире, наполненном рыцарскими идеалами. Тело короля найдено не было, и ещё в девятнадцатом веке в глухих лесах бразильской Байи и Параны крестьяне ждали, что Себастьян Спящий вернётся, чтобы сражаться с «атеистической республикой», — как в других краях ждали Махди⁶¹, Артура или Фридриха Барбароссу.

Так идеализм погубил жизнь, но подарил бессмертие.

Рашид-эфенди идеалистом не был — карьера в империи учит прагматизму. Оставшись на службе

у брата погибшего друга, «Золотого» Ахмада аз-Захаби, он помог ему реформировать администрацию и гвардию по передовому для того времени османскому образцу, установить некий прообраз государственного монополистического протокапитализма, завязать союзнические отношения с Елизаветой (Англия, после утраты союзника в лице Авицкой династии в Португалии⁶², была жизненно заинтересована в коалиции против Филиппа Испанского), а для себя занялся опытами по интродукции «трёх сестёр», растений Нового Света — кукурузы, фасоли и тыквы, — а также табака и какао (которые распространял в своих имениях в долине Бекаа, у Тразона и в других уголках необъятной, но в целом засушливой империи)⁶³. Опыты эти были не всегда удачны, в том числе потому, что непосредственно управлять тимарами и чифтликами⁶⁴ ему было затруднительно — тот самый случай, когда коррупция надзирателей губит экономику.

Однако пошатнувшееся финансовое положение удалось восстановить, приняв участие в аванюре. Он присоединился к четырёхтысячному отряду Джудар-паши (мориска⁶⁵ Диго де Гевары, уроженца Альмерии в Испании, похищенного пиратами), который преодолел Сахару (!) и разгромил войско аскии (императора) Сонгаи Исхака II. Когда тот выпустил на марокканцев огромное стадо быков, Рашид-бей разогнал часть взбешённых животных сосредоточенным огнём аркебузирова и артиллерии (которая тоже была доставлена через пустыню!), а другая часть была перебита владевшими навыками корриды андалузскими наёмниками-морисками.

Марокканское войско захватило процветавшие города Дженне, Тимбукту и Гао (в современном Мали) и огромную добычу — более полутора тысяч тонн золота, с которым Рашид-бей отправился назад, в Марракеш.

Мориски нашли себе новую родину и стали народом арма (armas — «оружие»), который до сих пор помнит о своём происхождении и сохранил в языке часть испанских слов (из их среды происходит знаменитый африканский музыкант, входящий в сотню лучших гитаристов всех времён по версии журнала «Роллинг стоун», Али Фарка Туре, и его сын, «Хендрикс Сахары», Вьё Фарка Туре). Немалая заслуга в этом — милосердие Джудар-паши, часто беседовавшего с Рашид-беем во время бесконечного пути через Сахару: *«о пустыне, о месте Человека в ней, о закате, о невнятном шелесте, словно от тысяч пересекающих вечность караванов, падающем с медленно опускающегося на землю неба»*.

В Марракеше Рашид-бей защищал интересы своего боевого товарища перед шерифом Ахмадом, прозванным «Золотым» именно за привезённую ему добычу. Джудар-паша не внял совету, не остался полунезависимым правителем на Нигере,

59. Магриб аль-Акса («дальний запад» — араб.) — Марокко.

60. «...совсем недавно воспетой... Камозэнсом» — относительно катастрофы 1578 г.

61. Махди — скрытый имам, своего рода масих (мессия), который явится перед Судным днём; будет соратником пророка Исы (Иисуса), когда тот вернётся, чтобы восстановить на земле справедливость.

62. «Англия, после утраты союзника в лице Авицкой династии в Португалии...» — старейший стратегический союз в мире, существующий с 1373 г. и по сей день.

63. «...трёх сестёр... засушливой империи» — агрикультура, изобретённая индейками Мезоамерики: фасоль вьётся по кукурузе и обогащает почву азотом, побеги тыквы загораживают почву от солнца, удерживая влагу, а её шипики отпугивают насекомых; вместе три культуры обеспечивают человеку сбалансированное аминокислотами питание.

64. Тимар — условное (за службу и на период службы) феодальное держание, чифтлик — наследственное.

65. Мориски — крещёные мусульмане Испании.

где пользовался огромным авторитетом, и погиб, убитый чернью, ненадолго пережив нашего героя.

В Блистательной Порте

Поссорившись с аз-Захаби, Рашид ушёл в хадж, унося с собой семена растений и списки книг из библиотеки Университета аль-Карауин. Вернувшись пешком через Хиджаз, Хайбар, Левант и охваченную джелялийской смутой Анатолию (посетив по дороге свои имения) в столицу Дома Османа, Рашид-хаджи оказался втянут в омут политических интриг — прежде всего в интересах Сафие-султан, ставшей, как ни странно для этого прагматичного человека — отнюдь не Маджнуна⁶⁶, его Лейлой. Его союзником был хаджа Сад эд-Дин-эфенди, учитель Мехмеда III.

Когда султан, защитник христиан и мусульман, лично выступил в поход против вторгшихся войск Великого магистра тевтонов и эрцгерцога Австрии Максимилиана, Рашид-хаджи получил, в ходе тяжёлой кампании в турецкой Венгрии (одной из многих кампаний так называемой Долгой войны), подразделение артиллерии. Под началом Синан-паши, с которым он был знаком ещё со времён Тунисской эпопеи, Рашид принял участие в осаде и штурме Хатвана, во взятии устоявшего в прошлый раз Эгера («мадьярского Сталинграда», воспетого в самом популярном венгерском романе Гезы Гардоньи «Звёзды Эгера»⁶⁷) и, наконец, в Керестецкой битве, превратившей неминуемое поражение в триумф османов и символ верности крымских татар: в решающий момент, когда австрийцы окружили шатёр султана, татарские отряды под командованием калги⁶⁸ Фетих Герая ударили в тыл имперцам и спасли турок от полного разгрома. Габсбурги понесли такие потери, что эта местность до сих пор носит имя Мезёкерестеш — «Поле крестоносцев».

Правда, Фетих Гераю эта победа вышла боком. Юсуф Синан-паша, враждовавший с ханом Газы Гераем, убедил своего повелителя передать Крымский Юрт герою битвы. Фетих после некоторых уговоров согласился, но его младший брат Газы в судебном порядке вернул «престол Крыма и Великой Страны», вынудив старшего бежать к черкесам и в итоге поплатиться своей головой и головами своей семьи.

Юсуф-паша, получив благодаря своей хитроумной комбинации пост «носильщика тяжестей» (великого визиря), пробыл в должности всего сорок дней и был отправлен в почётную ссылку на должность бейлербея Дамаска, где натравил на Рашидов чифтлик в долине Бекаа ливанских друзей⁶⁹ — в отместку за участие Рашида-хаджи в его, Юсуфа, смещении.

Так или иначе, великим визирем стал Дамат («зять») Ибрагим-паша, упоминавшийся выше муж Айше-султан, дочери Сафие и тёти Мехмеда III.

В Эгере под покровительство Рашида-хаджи перешла бывшая фаворитка польского короля (умершего к тому времени), пытавшаяся бороться с кланом Батори за лён в Карпатах. Она стала его второй наложницей (первая была захвачена в набеге на Коста-дель-Соль). Когда известия об этом дошли до ушей Садеддина-эфенди, правительство Газанфер-капы-аги решило использовать Рашида, получившего ранг паши, в «*Больших шахматах*» на северной границе.

Сархад⁷⁰

Так наш герой сравнился почётом со многими конкурентами. Почётом, но не реальной властью.

Власть ему предстояло устанавливать самостоятельно, опираясь на небольшой янычарский корпус, татарскую и ногайскую конницу и тех, кого бы он смог завлечь на границы Дикого поля. Благо Османская империя того времени не только была экономически привлекательна для австрийских и польских крестьян, тиранизируемых своими возрождавшими барщину господами, но и часть горожан, храня верность покойному королю, стремилась за «нашей доброй пани», пившей кровь из одного с ними кубка войны.

Традиционно проблема набегов казаков с вера решалась силой: рейд по степям, разорение

66. Маджнун («одержимый джинном» — араб.) — герой истории о печальной и трагической любви к Лейле («Ночь»); это случилось в середине VII в. в Аравии с поэтом Кайсом, который удалился в пустыню и стал там писать стихи (почему и был прозван «охваченным джинном»); история была рассказана Низами Гянджеви в «Хамсе» («Пяти поэмах»), Джамии, Навои и послужила мотивом для песни Эрика Клэптона «Layla».

67. «Звёзды Эгера» — под звёздами в романе Гардоньи подразумеваются женщины крепости.

68. Калга — второе после хана лицо в Крыму.

69. Друзы — замкнутая, не допускающая принятия своей религии этноконфессиональная община в Леванте, отколовшаяся от ультрашиитской на тот момент секты исмаилитов в период радикальных антисуннитских реформ фатимидского халифа Аль Хакима (XI в.); особенности религии, принадлежности исламу достоверно не известны; верят в реинкарнацию душ, что определило высочайшие боевые качества друзей (их кавалерия активно вербовалась даже англичанами в период Второй мировой); сейчас вовлечены в арабо-израильский и сирийский конфликты на всех уровнях.

70. Сархад («граница» — фарси) — как правило, под ним подразумевается обширная полоса с неясным, условным суверенитетом, как полоса пуштунских племён в Пакистане или другие территории на границах стран, расположенных в пустынях и степях; ближайший аналог — Дикое поле.

разбойничьих гнёзд, захват ясырей⁷¹, обращение желающих в ислам и рекрутирование их в войско, а упорствующих — в рабство. Но всё это были временные меры: новые бедолаги, бегущие от своих сатанеющих дворян, пополняли Сечь и Дон и шли «за зипунами» в цивилизованные страны. *Османская империя унаследовала от Византии перманентную борьбу с натиском варваров.*

Ибо география определяет Историю.

Рашид-паша, соединив под своей властью силы эялетов⁷² Силистра (от Болгарии до Днепра) и Кефе (Крым и Азак), выдвинул проект того, что мы сейчас назвали бы «программой реконструкции для *failed state*». Первым шагом к этому должна была стать «эффективная оккупация». Если ни Москва, ни Краков (а позднее — Варшава) не способны навести порядок на своих окраинах, то это следует сделать Империи — косвенно либо прямо. Второй вариант Турция попыталась осуществить в 1670-х, когда захватила Правобережную Украину, вмешавшись в *Руину* — борьбу пропольских, про-русских и прокрымских «полевых командиров» между собой. Но Рашид-паша не был бы учеником аль-Карауина, если бы не попытался минимизировать человеческие потери в населении и без того пустого Дикого поля.

Он предложил создать полосу государств-лимитрофов (подобных Трансильвании, Молдове и Валахии), помочь элитам — казацким старшинам и гетманам — построить нормальный феодализм и тем самым (золотом!) привязать их к Блистательной Порте. Благо вопросы вероисповедания мало волновали и наследника халифа Владыки Вселенной⁷³, и верхушку казаков: так, в 1565 году запорожцы помогали туркам в L-Assedju l-Kbir — *Великой осаде Мальты*.

Проект «Вольный Дон»

Как поклонник Ибн Хальдуна, Рашид-паша понимал необходимость создания экономического базиса для гетманской надстройки. В первую очередь следовало укрепить казаков и новых переселенцев (осуществлено царским правительством в восемнадцатом веке). Следующим пунктом шло создание товарного хозяйства: любой аристократ, даже низкого происхождения, предпочтёт получать деньги от стабильной торговли, а не от рискованной перманентной войны в его землях. Для этого планировалось давать убежище рабочей силе из Европы, бегущей от религиозных

преследований (частично воплощено российским правительством в конце восемнадцатого века).

Не исключался вариант с налаживанием торговли рабами (с последующим посадением их на землю и переводом на барщину либо оброк) и одновременным развитием плантационного хозяйства американского образца (тут бы и пригодились плоды селективной работы Рашида) — польская шляхта, глаза которой слепили отблески вест-индского золота, была готова избавиться от части «быдла» в обмен на совместный грабёж владений московского царя и помощь в борьбе за власть внутри самой Речи Посполитой. Тайные переговоры об этом успешно шли с Радзивиллами и Сапегами при посредничестве вышеназванной фаворитки (которая, однако, планировала рекрутировать войско и совместно с татарами начать мстить за своего короля).

В случае осложнений на более освоенном Западном Кавказе племена, его населяющие, были бы выселены в Сирию (осуществлено в 1860-х годах).

Для контроля над новыми вассалами затевалась реконструкция старых городов (Хаджибея (Одессы), Бендера, Кэшэнэу, половецкой Шарукани (Харькова), Аккермана и др.) и строительство новых — примерно там, где при Екатерине II были основаны Николаев, Екатеринослав, Александровск и пр., заселить которые предполагалось самым ценным ресурсом — ремесленниками (будь то бежавшие добровольно или захваченные в набегах на Запад).

Московский царь Борис Годунов почувствовал угрожающую активность на Малой Руси, получив обрывочные донесения Василия Щелкалова, главы Посольского приказа (*именно он ведал сношениями с казаками*), и сделал встречный ход: отправил Богдана Бельского основать один из первых городов на Слободской Украине — Царёборисов. Историки до сих пор спорят о причинах, побудивших Годунова заложить острог так глубоко в Диком поле, в отрыве от Белгорода и Курска. Ведущей является версия, изложенная в «Новом летописце» (главной хронике времён Русской Смуты), что мотивом царя было отослать подальше воеводу Бельского.

Но стал бы такой прагматик, как Борис Фёдорович, рисковать? Что мешало ему избавиться от воеводы, сослав его, как Филарета Романова, на Урал? Тем более Богдан Яковлевич сразу начал проявлять «сепаратистские тенденции» («Борис в Москве царь, а я в Царёве-Борисове!»), за что и был всего через два года выслан в Сибирь с позором (телохранитель царя Габриэль выщипал Бельскому бороду по волоску, тем самым обесчестив бывшего опричника).

Так пошёл бы самодержец на риск мятежа на юге (который, кстати, и стал главным катализатором Смуты в самом скором времени)? Нет. Какова же была цель Годунова?

71. Ясырь — человеческий полон в период степных набегов и войн (от распада Золотой Орды до завоевания европейских степей Россией).

72. Эялет (вилайет, вилайят и т. д.) — провинция в мусульманском мире.

73. «наследник халифа Владыки Вселенной» — султан.

Прозрачный, недвусмысленный намёк: «Я знаю, что ты что-то затеваешь. Если бы я хотел войны, моя рать уже осадила бы Перекоп. Но я предлагаю мир».

С этого момента акценты имперской политики на севере сместились. Начались активные переговоры между Рашид-пашой с одной стороны и Щелкаловым с другой (а после опалы последнего — со сменившим его на посту дьяка Посольского приказа Афанасием Власьевым, видным дипломатом, пользовавшимся доверием и Бориса, и Лжедмитрия). При этом обе стороны сумели учесть не только интересы своих светских владык, но и духовную сторону вопроса.

Рашид-паша в переписке с Сафие-султан говорил о возможности внедрения в пограничье и на Балканах опыта Абуль-Фатха («отца Победы») Джалалуддина Акбара, величайшего падишаха в истории Индии, а конкретно — его эксперимента по созданию *Дин-и илахи, синкретической философско-этической доктрины* с Единым Богом разных религий. На практике это вылилось в секретные «меморандумы о взаимопонимании», выражаясь современным языком, между патриархиями Московской, Константинопольской в лице Рафаила II, а через него — с Римской курией, возглавляемой в тот период генеральным викарием Камилло Боргезе (будущим папой Павлом V).

Поддержку султана как халифа⁷⁴ обещала обеспечить Сафие.

Таким образом возник амбициозный план раздела Европы, который мы с полным правом можем назвать:

«Крест Европы в тени Полумесяца»

По образцу Турдесильясского договора 1494 года между Португалией и католическими королями Испании, прошедшего «демаркационную линию» по «папскому меридиану» (49° 32' 56" з. д., 370 лиг западнее Азорских островов) и разделившего дикие земли и неоткрытые моря между этими монархиями, полным ходом шла подготовка к разграничению мелких европейских государств на сферы влияния.

«Высокие Договаривающиеся Стороны», а именно: «властитель Дома Османа, султан султанов, хан ханов, предводитель правоверных и наследник пророка Владыки Вселенной, защитник святых городов Мекки, Медины и Иерусалима, император Константинополя, Адрианополя и Бурсы и прочая, и прочая» с одной стороны и «Божиею милостию Государь Царь и Великий Князь всея России, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский и прочая» с другой, — приходили к соглашению о совместном разделе Европы по 50-й параллели, а католические церкви — Римская и православные церкви пентархии — по меридиану Сирта (16° 36' в. д.).

Таким образом, силой оружия двух великих держав планировалось вернуть мир в Европу, а Германию, Нидерланды и Англию (с мобилизацией для её покорения всего берберского и турецкого флота и союзной французской армии) — в лоно католичества, но под светское управление Севера. При этом мещане, как главные носители протестантской ереси, переселялись на восток, во вновь отстроенные города Степи. Россия в результате не только получала выход к морю (что было главным направлением её экспансии со времён Ивана III в конце пятнадцатого века — а отнюдь не южное, на котором она предпочитала обороняться), но и превращала Балтику в своё «внутреннее озеро».

Забавное обстоятельство: обе демаркационные линии пересекались в районе Тренчского княжества, на которое претендовала польская наложница паши. Там планировалось проводить собрания дипломатов для мирного решения спорных вопросов — эдакие прообразы *Священного союза* Александра I или *Лиги Наций*. Это был своеобразный подарок Рашид-паши.

Нетрудно представить, что реализация этих планов изменила бы всё. Колонизация Нового Света проводилась бы в русско-османском стиле, с *сохранением культурной самобытности индейских народов*; простые немцы, голландцы и англичане, а следом — французы, русские, турки, балканцы не познали бы самых диких проявлений раннего и зрелого капитализма; на триста пятьдесят лет раньше сформулировались бы идеи *мирного сосуществования* сверхдержав; может быть, индустриальное развитие происходило бы и не с такой скоростью, но с куда меньшими страданиями простых людей; а о таких мелочах, как «Нью-Йорк мог бы быть Новой Рязанью», и задумываться не стоит.

Всё могло сложиться иначе.

Были сделаны первые практические шаги: Годунов наводнил Европу шпионами под видом посланных на обучение «детей боярских»; лидер джелялийской смуты Дели Хасан, воодушевлённый перспективой после личной встречи с Рашид-пашой, прекратил восстание и с десятью тысячами воинов принял под своё начало Боснию, где начал организацию тыловой базы для вторжения в Венецию и Австрию; в преддверии увеличения потока дел была проведена реформа *инквизиции* в сторону большей *гуманизации* процесса (отдалённым её последствием стал снисходительный приговор Галилео Галилею — в отличие от недавнего аутодафе Джордано Бруно); орден Иисуса (иезуиты) активизировал работу по устранению самых влиятельных европейских монархов — Якова I Английского (см. «Пороховой заговор») и Генриха Бурбона (ликвидированного в 1610 году).

74. Султан осуществляет светскую власть, халиф — религиозную.

Однако все эти мероприятия, связанные единым замыслом, потеряли смысл, когда был утрачен координирующий их узел.

Красное знамя османов так и не взвилось над львами Святого Марка...

Как раньше бури спасали Северную Африку от испанского завоевания, так и в этот раз в дело вмешалась Природа. На краю света, в далёком Перу, взорвался вулкан Уайнапутина, выбросив в атмосферу мегатонны пепла и изменив климат. Это было сильнейшее извержение за всю историю заселения Америки человеком, по силе подобное катастрофе на Кракатау в 1883 году. В России с десятью неделями проливных дождей наступил «год без лета», повторившийся в следующем.

Затем пришёл Великий Голод. Рашид-паша принял доставку зерна, скупленного в Анатолии и Египте. Караваны каракк⁷⁵ стекались в Азов и под охраной казаков отправились на Москву. Но было поздно: русские увидели в Голоде истинного царя, восстания совсем недавно «безмолвствовавшего народа» слились в бескрайнее море бунта, плескавшееся у башен переполненных умирающими городов, и страна на годы погрузилась в войну всех против всех — такую, что полубезумный Грозный превратился в сознании населения в «доброего царя-батюшку».

Русская Смута началась.

Вся семья Годунова, кроме дочери Ксении, была не только вырезана, но и похоронена без отпевания как «самоубийцы».

Казаки, увидев крах государственности, устремились за лёгкой добычей в Россию по тому пути, которым когда-то ходили татары. Ибо, повторим, география определяет бытие. Их дикий свист слышали даже стены Каргополя на Русском Севере и Костромы в 1614-м, а последний набег случился в самом конце, в 1618 году, через шесть лет после Минина и Пожарского.

Ещё можно было спасти если не династию, то царство, но к тому времени изменились и обстоятельства в своей столице. Новый султан, тринадцатилетний Ахмед I, начинает правление

с нарушения этикета (что показывает его воспитание), а затем ссылает бабушку Сафие в Старый дворец в Эдирне. Рашид-паша лишается самой весомой поддержки в Топкапы. Пытаясь предотвратить возобновление джелялийской войны, он принимает сторону шейх-уль-ислама Сунуллах-эфенди в конфликте с лалой (воспитателем) владыки Дервиш Мехмед-пашой, боснийцем — фигурой, вызывавшей ненависть и новой валиде-султан, и простых горожан, чьи балконы Дервиш-паша обложил налогами, а в конце концов — и самого повелителя. В итоге лала был убит на заседании Дивана. *Но до того ангел смерти взял за руку душу Рашид-паши.*

Он был приглашён главою Дома Османа на весеннюю охоту. Чувствуя усталость и предчувствуя отдых, он уладил дела: первой наложнице и её детям выделил солидное содержание и дом в Бахчисарае, для второй нанял отряд секейских ландскнехтов (составленных из немцев Трансильвании, где как раз венгерский дворянин Иштван Бочкаи поднял восстание, предпочтя покровительство мусульман-турок власти христиан Габсбургов) и отпустил с татарами пытаться удачи в польских Карпатах, «гатить болота телами врагов», а сам явился на казнь.

По приказу падишаха он выпил кофе с толчёным изумрудом и опиём. Самоцвет, дающий, по поверьям, дар прорицания, символизировал насмешку над его видением будущего империи; опиий же был актом милосердия за заслуги перед отечеством. Ходили слухи, что последнюю чашку он получил из рук Сафие-султан, но у нас нет оснований с доверием относиться к этой легенде: без сомнения, они не встречались в этой жизни. Другая же легенда гласит о том, что вишнёвое вино с ныне утраченного мазара хаджи Рашида ещё долгие годы веселило сердце его возлюбленной.

Да, это была любовь — но та, которую не воспели европейцы. Любовь-сторге, любовь-покровительство, без лихорадки и мании, не удар выпущенной стрелы, но медленное прорастание корней души к сокам земли. И эта любовь пережила все тирании и вольности, сбережённая временем в письмах Сафие-султан и маулан⁷⁶ Рашида-хаджи.

Поделится малой их частью с нашими читателями.

Письма

«Свет разума моего, родник моего познания! Вестей от Вас нет дольше, чем дождя в Тихаме⁷⁷. Каждый день, когда с моря дует ветер, жду, что его крылья письмо от Вас принесут.

Расскажите о поясах земных⁷⁸, в кои Господь путников стопы Ваши направил. Благополучен ли путь?

С., третий день джумады аль-уля 986 года⁷⁹».

75. Каракка — большое (водоизмещением 500–2000 т) парусное судно эпохи Великих географических открытий; вытеснено галеоном.

76. Маулана (мавлани, мавлий и т. д.) («защитник» — араб.) — слово с множеством значений, среди которых «друг», «господин», «хозяин», «благодетель», «путник» и др.

77. Тихама — пустыня в Аравии на берегу Красного моря; здесь: прямой намёк, что ожидание известия затянулось.

78. Поясы земные — географическая районизация, принятая учениками Идриси.

79. Даты — по календарю Хиджры. Заметно, что С. писала письма около новолуния, а Р. — ближе к полнолунию.

«О колыбель великого султана! Как коловращение времени и неподвижность полюса произошли от Господа, так сад бытия взращён для Вас и водою жизни напоён ради Вас, моя владычица.

Аллахумма, каким языком мне воздать Вам благодарность за сии великие благодеяния, осязаемые результаты которых подобны свету блистающего солнца? Какими словами воспеть Вас за великие дары и бесконечные милости, сверкающие подобно сиянию звёзд?

Если даже каждый мой волос станет языком и каждый станет восхвалять Вас, то и тогда я останусь в своём косноязычии, как упорствующий — в заблуждении.

Волею Господа людей, который сотворил поверхность земли для прогулок чистокровного коня человеческого бытия, той волею, что вложила в руки Ахмада Абу-ль-Аббаса аль-Мансура меч победы, сокрушающий удар которого поражает грудь ночи и заставляет разящий кинжал солнца прятаться в ножны мрака, вернулся я с дальнего Берега⁸⁰ Пустыни пустынь, где эмир Крайнего Запада на ристалище насаждения правосудия и распространения справедливости кафиров⁸¹ *Билад ас-Судана*⁸² рассеял и к покорности привёл.

Ибо лишь тот крепко сжимает в своих объятиях невесту-власть, кто целует в губы булатный меч.

<...>

Посреди Моря пустынь есть Тагазза⁸³, деревня, в которой нет ничего хорошего. К числу её удивительных вещей относится то, что её дома и мечеть построены из глыб каменной соли. В ней нет ни одного дерева, и земля её — лишь песок, и в нём находят огромные плиты соли, нагромождённые одна на другую так, как будто они были вытесаны высокомерным племенем ад⁸⁴ и сложены под землёй.

Мы провели в Тагаззе десять дней — в ней запасают воду, чтобы войти в пустыню, и мы вошли, и встретили на нашем пути караван, и нам сообщили, что несколько человек из каравана отделились от них. Одного из них мы нашли мёртвым под небольшим деревцем из тех деревьев, что растут в песках. На нём была одежда, а в руке — кнут. Вода же была всего в одной миле от него.

Так и у нас потерялся человек именем Ибн Мактуби из *бану имраген*⁸⁵. Выйдя на поиски, проводник наш из *кель адрар*⁸⁶ нашёл его следы. Они шли то по главной дороге, то отклонялись от неё, но ни Ибн Мактуби, ни каких-либо сведений о нём найти не удалось.

Воистину, судьба Ибн Мактуби, „сына написанного“, вписана в Книгу Бытия теми же вечными чернилами, что наши судьбы. *И в Пустыне судьба моя стóит того, чего стóит моя вера.*

Но Аллах Велик. Так пусть Он будет Милосерден.

А того человека мы погребли без имени его и могилу его отметили палкой, укрепив её камнями.

Великая честь — служить другим караванам вехою на пути, подобно фонарю маяка, пока ветер и песок не сточат твой минарет.

Р., *полнолуние рабиу-ль-аввала* 986 года, из Марракеша.

Тринадцать лет спустя

«Ноги воображения моего и руки мысленного представления далеки от испытываемого Вашими руками и ногами, эфенди. В тёмную ночь, когда луна показывает своё лицо, мир становится освещённым, а небо озарённым. Во мраке судного дня, когда печать молчания будет на языках и люди падут от ужаса и страха пред днём всеобщего восстания мёртвых и великим отчётом, их *печени* мучительно сожмутся, а глаза наполнятся слезами, — тогда внезапно появится на горизонте украшающей сердце красоты луна божественной мудрости, жемчужина избранного моря, и у людей истинной веры возникнет свет очей надежды на спасение и блеск предвидения вечного блаженства.

Так и сердце моё наполняется слезами надежды, когда очи мои читают Ваши написанные лёгким *насхом* строки, в которых Вы передаёте сделанные Вам ангелами откровения — тяжёлые, словно написаны они сульсом⁸⁷. Но в пучинах глубоких, вдохновенных Книгой книг истин, всё естество Ваше благоухает, как амбра, будучи пропитана неизречёнными указаниями Неба.

Истинно говорят, что Аллах хранит путников, чей дух продолжает странствие и будучи разлучён с телом, как соловей — с розой.

С..»

«Капли, просачивающиеся из моря Вашего внимания и милости, повелительница, подобны воде райского источника Каусар. Солнце, при всём своём блеске и свете, повергает корону к праху Ваших ног.

Да не удалится счастье от изголовья Вашей постели, гюльбахрем!⁸⁸

.....

80. Берег — Сахель; сахара — мн. ч. от «сахра» — «пустыня».

81. Кафир — иноверец (*араб.*); в османский период произошло отделение от этого термина слова «гяур», имевшего оттенок презрительности (аналогично возникшему в тот же период в Русском государстве слову «басурманин» — даже в словарной части обе империи стали друг другу зеркалами).

82. Билад ас-Судан — «Страна чёрных», примерно то же, что Сахель.

83. Тагазза — Тауденни в северном Мали.

84. Ад — племя великанов, упоминаемое в Коране.

85. Бану имраген — арабское племя Сахары.

86. Кель адрар — туарегское племя.

87. Насх, сулюс (сульс) — традиционные арабские черки.

88. Гюльбахрем — «(мой) цветок весны».

Где бы ни пролегли следы моих ног, всюду я вопрошаю: где же Кааба, Медина и Мекка моя?⁸⁹ Каждым своим шагом я произношу: ляббейка⁹⁰, Аллахумма, ляббейка! Тысячи путников шли этими путями до меня—от зенита Сатурна до чрева Земли,—но все вехи, что они смогли оставить,—лишь написанные чернилами строки:

Я распутал все петли вблизи и вдали,
Кроме самой последней—смертной петли.

Да смилуется над нами Всемилоостивый!

Сомнение разъедающей металл кислотой поселилось в сердце моём: шепчет оно, что в гордыне своей не уступил я дороги на мосту Хызыр Ильяс, и род мой будет принуждён дорогу уступить всякому. Но пусть лампа моей души перевернётся, пусть сердце станет в голове и голова в сердце⁹¹—о Милосердии молю: „да будет вычеркнуто вписанное из Книги Предопределения, да опадут грехи мои, как листья с деревьев в разгар лета!“⁹²

Но я познание сделал своим ремеслом, и мой калам плёт чернила крови и пишет по бумаге забвения думы, что и не снились фальсафа⁹³ аш-Шама,—о том, что обвинять нас в День Суда будут сами наши сердца, потому что каждый человек

89. «...где же Кааба, Медина и Мекка моя?»—строка из Вагифа.

90. Ляббейка—«Вот я пред Тобой [Господи]» (*араб.*).

91. «...пусть сердце станет в голове и голова в сердце...»—ср. с «переставить свечи» в легендах о Хадир Грюне, иудейском Хызыр Ильяс.

92. «...да опадут грехи мои, как листья с деревьев...»—цитата из Абу-ль-Касима ат-Табарани, известного мухаддиса (толкователя предания) X в.

93. Фальсафа—философы вообще и неоплатонистическая философия в исламе (аль-Фараби, Ибн Сина, Ибн Рушд).

94. Шахадат—букв.: свидетельство.

95. «...И в перстне вправленный алмаз—то мы»—автор письма отсылает к рубаи Омара Хайяма (см. ниже).

96. Ночь Могушества—Лейлат аль-Кадр, почитаемая ночь, наступающая в конце рамадана (в неопределённый день), которую принято проводить в молитве; её признаком является необычайная тишина в природе.

97. Гюльхане («дом цветов») — парк у Топкапы.

98. Время отдыха—таравих («отдых», «передышка»—*араб.*), желательный ночной намаз в месяц рамадан.

99. «Свят и Идеален Тот, Кто обладает...»—молитва ханафитского мазхаба, одной из четырёх правовых школ в суннизме; этот мазхаб господствует за пределами арабского мира.

100. Туранг—евфратский тополь.

101. Ртуть—чрево всех металлов, растворяющая и возрождающая сила.

102. Свинец—символ «нездорового» состояния металла или души.

103. Первородный птенец—феникс.

суть шахид, „свидетель“ против себя самого и ближнего своего, испивающий чашу шахадата⁹⁴ собственной жизни и своего отчаяния, подобного отчаянно заблудившегося в самуме каравана. И се, он бредёт по степи жизни, оставляя за собою пустыню воспоминаний, и вызывает к Творцу, оглашая бездну своей души воплем ужаса погибающей верблюдицы.

Я—запятая в Книге Бытия.

Меж звёздных строк я хвост коня, что блед.

Мне Солнцем предначертано сиять,

Как тишине над пустотой бесед.

Мой всадник—Смерть, но не окончен текст,

Где дрожь земли, людей и знак чумы.

Мы формой полумесяц, духом—крест.

И в перстне вправленный алмаз—то мы⁹⁵.

Но пусть пустыня иссушает дух и воспламеняет разум, как пропитанное смолою ладана дерево, однако под покрывалом ночи, усеянным колючей шерстью светил, осознающий свою ничтожность пред небесами раб Всевышнего воспаряет фениксом, и тогда на сына Адама ложится—словно от фонарей, поднятых с порогов домов обитателей Рая, которым, если на то воля Аллаха, мы тоже служим звёздами,—невыразимый отсвет всеединства.

Р, 14 шаабана 999 года».

«На исходе Ночи Могушества⁹⁶ бродила я аллеями парка Гюльхане⁹⁷ в ожидании предрасветного коралла вод Босфора, за которыми, где-то далеко, Вы, светоч разума моего. В сердце ещё звучали слова молитвы времени отдыха⁹⁸: „Свят и Идеален Тот, Кто обладает земным и небесным владычеством“⁹⁹. Свят Тот, Кому присуще могущество и бесконечная мощь“,—как вдруг в турангах¹⁰⁰, словно отвечая чаяниям моим, пропела горихвостка. Песнь её подхватила другая, за нею—третья, и голоса их слились в возносящий хвалу Господу Миров хор:

— Видите ль звёзды, что гаснут на небе?

— Видим мы звёзды, они в небе тлеют.

— Видите ль край жёлтого солнца?

— Видеть не можем мы края солнца.

— Ночь ли в разгаре, близок ли день?

— Ночь полна влаги, день будет жарким.

— Кто там идёт, Хызыр ли Ильяс?

— Лик нам Зелёный жизнь несёт.

— Завтра посмотрим, сёстры, на небо?

— Ночь дня мудрее, завтра посмотрим!

И в их словах слышала я весть о Вас, излившуюся в эти строки из скромного источника моего вдохновения:

Собрание птиц, едины что в Симурге,

Поёт всю ночь, не ведая венца,

Чтоб возродить, став ртутью¹⁰¹ из свинца¹⁰²,

Из пепла—первородного птенца¹⁰³.

Я приказала рабыне, подаренной Вами, зажечь зелёный фонарь. Увидьте его путеводный свет и придите, о день, не нуждающийся в солнце, ночь, не нуждающаяся в луне!

С., 27 рамадана 1012 года».

«Мне снился сон. В нём я впервые увидел Вас, так ясно, словно завеса тумана развеялась над фисташковой рощей, словно жемчуг вуали ночи заблестал, озарён светом луны. Когда потянулся я к тени Вашей, ладони мои коснулись коры кипариса, и тогда я увидел моего Создателя. Я спросил его: „Как мне найти Тебя?“ Он ответил: „Покинь себя и приходи!“

Се, гряду¹⁰⁴, прибегая к Господу людей, Царю людей, Богу людей¹⁰⁵.

Мы цель создания, смысл его отменный¹⁰⁶,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира—перстень драгоценный,
А мы в том перстне—вправленный алмаз.

Р., 20 шавваля 1012 года. Науруз¹⁰⁷».

Общее замечание: использованы мотивы из Гийас ад-Дина Али, Ибн Баттуты, Райнера Марии Рильке, Сент-Экзюпери, Абу Язида (Баязида) Бастами и др.

Хронология

.....

Кырджалийская смута—1789–1813 гг.

Восстание в горах Эспадан—1526 г.

Битва у Превезы—28 сентября 1538 г.

Оборона аль-Джазаира—Алжирская экспедиция 1541 г.

Осада Ниццы—август 1543 г.

Зимовка турецкого флота в Тулоне—1543/44 г.

Кампания Пири-реиса по изгнанию португальцев из Персидского залива—1552 г.

Третья битва при Лепанто—7 октября 1571 г.

Тунисская экспедиция—1574 г.

«Битва трёх королей»—8 августа 1578 г.

Разгром империи Сонгаи—1591 г.

Джелялийская смута Дели Хасана—1595–1603 гг.

Долгая война—1593–1603 гг.

Керестецкая битва—25 октября 1596 г.

Цареборисов (Царёв-Борисов)—город основан в 1599 г.

А. И. Власьев возглавил Посольский приказ в мае 1601 г.

.....

104. «Се, гряду...»—автор письма цитирует: «Свидетельствующий это говорит: да, гряди скоро»,—из заключительной главы Библии.

105. «...прибегая к Господу людей, Царю людей, Богу людей»—стихи из последней суры Корана.

106. Из приведённых стихотворений: «Мы цель создания, смысл его отменный»,—принадлежит каламу Омара Хайяма.

107. Науруз—здесь: игра слов: «руд»—«река», «путь» (*фарси*); «новый путь».